

W 554

ПОБѢДА ОТЪ ОБѢДА.

Т 28

ор 173
13783

ПОВѢСТЬ

Ф. БУЛГАРИНА.

«Время очаковскихъ и докоренья Крыма
Грибоедовъ (доре отъ ума).»

ИМПЕРАТОРСКІЙ
МОСКОВСКІЙ И РИМАНЦОВСКІЙ
МУЗЕЙ И БИБЛИОТЕКА
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

7461

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представ-
лено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число
экземпляровъ. С. Петербургъ, 26 января 1856 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

2007098964

I.

ЧЕЛОВѢЧЕСТВО 14-ГО КЛАССА, ИЛИ
МЕЛКІЕ ЧИНОВНИКИ МЕЖДУ СОБОЮ.

Что такое счастье? Право, не знаю, хотя ежедневно смотрю на него, вчужѣ, и не могу ему надивиться! Почему глупецъ и фанфаронъ нравится умному человѣку? Почему честный человѣкъ покровительствуетъ плута? Отчего умные и честные люди допускаютъ плу-

товъ къ почестямъ и богатству? Отчего глупцы, невѣжды, лѣнивцы выскакиваютъ въ люди? Почему люди умные и гениальные работаютъ для дураковъ?... Счастье, счастье, счастье!!...

Люди счастливые не любятъ смотрѣть на дно человѣческаго общества, гдѣ лежатъ дрожжи, на которыхъ поднимается и вырастаетъ ихъ блаженная участь. Въ лужѣ бѣдности тускнеть алмазь и ржавѣетъ даже золото. Бѣдность, нищета — ужасныя слова! Это то же въ нашей образованности, что проказа и моровая язва, если только не хуже, потому что бѣдность производитъ послѣдствія ужаснѣе смерти. Бѣдность заглушаетъ, иногда, въ сердцѣ нѣжность чувствованій, мертвитъ умъ, и даже зараждаетъ въ душѣ пороки. Чтобъ устоять непоползновенно противу

искушеній бѣдности и выдержать всѣ ея удары, надобно ровнехонько столько ума, сколько отпускается природою для составленія мудреца, и столько мужества, сколько нужно для героя. Ничего въ мірѣ нѣтъ почтеннѣе, какъ честная бѣдность, которая молчитъ о своей бѣдности и даже не догадывается о своей честности!

Кто не видалъ Петербурга за сорокъ лѣтъ предъ симъ, тотъ не можетъ составить себѣ понятія о томъ, до какой степени все измѣнилось въ этомъ городѣ. Не говорю уже о Невскомъ Проспектѣ!... Но что была, на примѣръ, Коломна? Козье Болото, за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, было въ полномъ смыслѣ козье болото. Тутъ были и козы и болото, и оно было такое вязкое, что хижины, построенныя здѣсь при Петрѣ Великомъ, для помѣще-

нiя матросовъ и пригоняемыхъ изъ губернiй ремесленниковъ, осядали въ землю постепенно, и наконецъ погрузились въ болото, по самыя окна. Лѣтомъ, въ дождливое время, едва можно было пройти по улицамъ Коломны, и многiе изъ почтенныхъ ея жителей пробирались домой босикомъ, опасаясь лишиться обуви. Весною и осенью на Козьемъ Болотѣ и самыя козы взяли по рога. Тогда клали мостки, которые, однакожь, не отвращали опасности потопленiя въ болотѣ, при переходѣ черезъ улицу. На улицахъ Козьяго Болота, отъ осени до морозовъ, лежала тина, а надъ нею, три четверти дня, носились испаренiя, затемнявшiя солнце, если оно случайно взглядывало на Петербургъ. Еслибъ хижины Козьяго Болота были устроены прочнѣе, и еслибъ бѣдные ихъ жители могли

безъ нужды запасаться дровами, то зима была бы блаженнымъ временемъ для Козьяго Болота. Но въ этихъ хижинахъ лѣтомъ было нестерпимо душно, а зимою невыносимо холодно, и оттого квартиры на Козьемъ Болотѣ были весьма дешевы.

Въ одной изъ этихъ хижинъ нанималъ квартиру коллежскій секретарь Никита Федоровичъ Глазовъ. Онъ былъ сынъ бѣднаго сельскаго священника. За отличные успѣхи въ наукахъ, въ губернской семинаріи, онъ былъ переведенъ въ Московскую Духовную Академію, гдѣ также обратилъ на себя вниманіе наставниковъ. По требованію графа Александра Андреевича Безбородко, о высылкѣ изъ академіи студента, знающаго основательно русскій, латинскій и греческій языки, Глазовъ былъ отправленъ

въ Петербургъ, и опредѣленъ на службу. Служилъ онъ усердно, исправлялъ дѣла искусно и былъ, такъ сказать, основнымъ камнемъ канцеляріи, но... но здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе, для поясненія дѣла.

Большая часть изъ насъ любитъ жаловаться на настоящее время и хвалить старину. Ой, эта старина!...

Теперь въ Россіи для наукъ и образованности открыто обширное поприще. Съ университетскимъ патентомъ за пазухой, съ умомъ въ головѣ, съ честностью въ душѣ, съ прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ, бѣдный и безродный человѣкъ идетъ рядомъ съ богачемъ и знатнымъ, и часто опережаетъ его на пути службы. Дѣла выслуги въ чины опредѣлены, награды тоже. На этомъ пути васъ

никто не остановитъ, а если кто-нибудь и перелетитъ черезъ ступень, на крылышкахъ счастья—бѣда еще не велика! Кончится всегда тѣмъ, что истинная способность выплыветъ наверхъ, если не для удовольствія другихъ, то по нуждѣ, потому-что любимцы и счастливцы не вывезутъ тяжести. За полвѣка, и далѣе, было совсѣмъ иначе. Тогда въ золотой колыбели дарили дитя, на зубокъ, чиномъ сержанта гвардіи или актуаріуса Иностранной коллегии; изъ сержантовъ гвардіи, на пятнадцатомъ году отъ рожденія, выходили въ армію ротмистромъ, или, въ чинѣ актуаріуса, поступали въ званіе камеръ-юнкера, которое давало чинъ статскаго совѣтника. Камергеръ получалъ съ званіемъ своимъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Изъ этихъ счастливцевъ избира-

лись начальники, а для работы и тяжкаго труда, то-есть, для дѣйствительной службы, были дѣльцы, изъ бѣдныхъ дворянъ, безъ всякаго покровительства, изъ семинаристовъ, то-есть, изъ дѣтей священниковъ или дѣтей учителей. Для полученія наградъ и отличій, при каждомъ начальникѣ была свита приписныхъ къ штабу или къ канцеляріи, матушкиныхъ сынковъ! Кромѣ того, при начальникахъ были любимцы, занимавшіеся ихъ частными дѣлами и порученіями, которые имѣли также свою свиту. Сквозь эту фалангу почти невозможно было пробиться человѣку безъ другихъ средствъ, кромѣ своего таланта. Напротивъ, людей дѣловыхъ держали тогда, умышленно, въ черномъ тѣлѣ, чтобъ долѣе пользоваться ихъ способностями. Вотъ почему Никита Федоровичъ Гла-

зовъ, исправляя важнѣйшія дѣла, въ-теченіе дѣвяти лѣтъ, испыталъ только однажды радость, доставляемую повышеніемъ въ чинъ, и трижды получалъ денежное награжденіе: два раза по двадцати пяти, и разъ пятьдесятъ рублей, изъ экстраординарныхъ канцелярскихъ суммъ. Еслибъ Никита Федоровичъ Глазовъ жилъ въ наше время, то онъ непременно имѣлъ бы Владиміра въ петлицѣ и Анну на шеѣ, былъ бы вѣрно начальникомъ отдѣленія, жилъ бы въ свѣтлой и сухой казенной квартирѣ, въ великолѣпныхъ палатахъ, получалъ бы до пяти тысячъ рублей въ годъ жалованья и столько же годоваго награжденія, игралъ бы въ вистъ, обѣдывалъ въ гостяхъ, за роскошнымъ столомъ, и научившись танцовать въ одномъ изъ многочисленныхъ нынѣшнихъ танц-

классовъ, могъ бы даже выступить во французскомъ кадрилѣ, съ женою или дочерью своего начальника. А что былъ въ тогдашнее время основной камень канцеляріи — это мы тотчасъ увидимъ.

Никита Федоровичъ Глазовъ нанималъ одну свѣтличку, съ двумя кривыми и вросшими въ землю окнами, обращенными на дворъ. Самъ Никита Федоровичъ былъ вышиною около шести футъ надъ поверхностью моря, когда онъ, на морскомъ берегу, въ устьѣ Фонтанки удилъ рыбу для своего обѣда, въ праздничные дни, а свѣтлица его имѣла въ вышину только шесть футовъ и одинъ вершокъ. Такимъ образомъ, когда Никита Федоровичъ прохаживался по ней, то на пятнадцати шагахъ разстоянія изъ угла въ уголь непременно три раза задѣвалъ за потолокъ, кистью шер-

стянаго своего колпака, когда поднималъ голову, чтобъ устремить взоры къ небу. Въ свѣтлицѣ Никиты Ѳедоровича было двѣ двери: чрезъ одну входилъ къ нему угаръ изъ хозяйской кухни, а другая была заперта наглухо, но за ней работалъ, то-есть, стучалъ немилосердо, хозяинъ дома, слесарь, въ тѣ дни, когда ему не на что было напиваться дошьяна. Въ углу комнаты стояла кровать, покрытая сѣрою попоной, подъ окномъ некрашенный столъ, вокругъ комнаты шесть соломенныхъ стульевъ. На стѣнѣ, близъ печи, укрѣплена была полка, на которой лежали кипы бумагъ и подлинныя творенія Гомера, Геродота, Ѳеофраста, Виргилія, Горація, Титъ-Ливія и Тацита. Это былъ даръ почтеннаго ректора академіи, при высылкѣ Никиты Ѳедоровича въ Петер-

бургъ, — даръ драгоценный, съ которымъ онъ никогда не разставался и въ которомъ находилъ единственное наслажденіе. На столѣ стоялъ кувшинъ съ квасомъ, и смиренная тавлинка съ табакомъ. Трехкопѣечная свѣча, о которой память осталась только въ московской пословицѣ, бросала вокругъ блѣдный свѣтъ. Никита Федоровичъ, въ тулупѣ, сидѣлъ на кровати пригорюнившись; сложа на груди руки и повѣсивъ голову, думалъ думу. Наконецъ онъ поднялъ голову, и важно продекламировалъ стихъ изъ Виргиліевой Энеиды:

«*Quidquid erit, superanda omnis fortuna ferendo est*»...

То есть: — «каковы бы ни были бѣдствія, мужество и терпѣніе помогутъ преодолѣть ихъ».

Въ это время дверь отворилась, и въ комнату вошли два его то-

варища по службѣ: коллежскій регистраторъ и заступающій мѣсто протоколиста, Петръ Ивановичъ Перепеченко, и коллежскій секретарь Александръ Андреевичъ Искринъ. Первый изъ нихъ былъ сынъ плодотворной Малороссіи, которая славится, отъ глубокой древности, тучностью воловъ своихъ, крѣпостью, высокимъ ростомъ и простодушіемъ паробковъ и чумаковъ, буйствомъ казаковъ, пріятными голосами юношей и отроковъ, тонкостью и проницательностью шляхетской породы, хозяйскими добродѣтелями женщинъ и чуднымъ аппетитомъ мужескаго и женскаго пола всѣхъ сословіи. Но малороссійская природа была весьма скупа къ Петру Ивановичу Перепеченку, и часть опредѣленнаго ему судьбою роста, вѣрно, отдала быку или чумаку, а ему пожаловала только огромную

голову на маломъ и пузатомъ туловищѣ, и огромный ротъ, подобный пасти плотояднаго звѣря. Отецъ Перепеченка былъ дьячкомъ въ селѣ, принадлежавшемъ графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, и имѣлъ прекрасный басъ. Графъ замѣтилъ это, и перевелъ его дьячкомъ въ свою домашнюю церковь, а сына помѣстилъ на службу, сперва въ гетманской канцеляріи, а по уничтоженіи гетманщины, перевелъ его на службу въ Петербургъ. Перепеченко сохранилъ связи съ челядью графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, питался весьма часто съ его кухни и утолялъ жажду изъ его буфета. Безъ этого пособія, онъ, съ мало-россійскимъ своимъ аппетитомъ, не могъ бы прожить въ Петербургѣ, при маломъ жалованьѣ и незначительныхъ доходахъ канцелярскихъ.

Перепеченко былъ иарень веселый, смышленный и осторожный. Онъ притворялся простодушнымъ и откровеннымъ, но былъ чрезвычайно хитеръ и дальновиденъ. Отъ всѣхъ напастей и привязокъ отдѣльвался онъ шуточками, закрываясь мнимою своею простотою. Онъ хорошо учился въ семинаріи, зналъ основательно латинскій языкъ, богословіе и духовныя права, а впоследствии приобрѣлъ свѣдѣнія въ русскихъ и малороссійскихъ законахъ. Къ Никитѣ Федоровичу Глазову таскался онъ для того, что тотъ поправлялъ его бумаги, потому что Перепеченко былъ не весьма силенъ въ русскомъ языкѣ и сбивался всегда на малороссійскія формы. Другой товарищъ Глазова, Александръ Андреевичъ Искринъ, былъ дворянинъ, стариннаго, но обѣднѣвшаго рода. У дѣда его было всего восемь душъ

крестьянъ мужескаго пола и четырнадцать десятинъ чрезполосной земли, въ Курской Губерніи. Отецъ его былъ поручикомъ Таврическаго Гренадерскаго Полка, и убитъ въ первую турецкую войну. Отецъ желалъ опредѣлить сына въ военную службу, и уже записалъ его въ полкъ, но дѣдъ, бабушка и мать, опасаясь, чтобъ онъ не подвергся участи отца и не лишилъ ихъ послѣдней подпоры и надежды, упростили генерала, начальствовавшего отрядомъ, въ которомъ находился покойный поручикъ Искринъ, доставить сыну его мѣсто въ статской службѣ. Генералъ рекомендовалъ сироту Василю Степановичу Попову, правителю канцеляріи князя Григорія Александровича Потемкина, а Поповъ, не имѣя вакантнаго мѣста въ своей канцеляріи, поручилъ Искрина одному

изъ любимцевъ свѣтлѣйшаго, который и помѣстилъ его въ то мѣсто, гдѣ служилъ Глазовъ. Мать Искрина, родомъ Швейцарка, была прекрасна собою и чрезвычайно образована. Она была гувернанткою въ домѣ богатаго помѣщика. Искринъ стоялъ на квартирахъ въ деревнѣ, влюбился въ гувернантку, и снискавъ взаимную любовь, женился на ней. У нихъ былъ одинъ только сынъ, и мать сама воспитала его. Женское воспитаніе отражалось на Искринѣ. Онъ былъ прекрасенъ лицомъ и станомъ, нѣженъ въ обхожденіи, скромнень, застѣнчивъ какъ дѣвица, добръ и благороденъ. Мать обучала его всему, чему учатъ дѣвицы. Искринъ говорилъ по-Французски и болталъ по-нѣмецки, имѣлъ нѣкоторыя понятія о всеобщей исторіи и географіи, прекрасно танцевалъ, рисовалъ.

Посыла отъ Обида.

игралъ изрядно на фортепіанѣ, пѣлъ весьма пріятно, умѣлъ даже вышивать въ тамбурѣ, любилъ страстно поэзію и романы. Отъ природы онъ былъ уменъ и понятливъ, но плохо зналъ русскую грамоту и законы. Никита Федоровичъ Глазовъ любилъ его чрезвычайно, называлъ, въ шутку, своею сестрицей, и помогалъ ему въ работахъ или, правильнѣе, работалъ за него. Мать его умерла съ грусти, вскорѣ послѣ смерти своего мужа, но у нея была старшая сестра, въ Швейцаріи, устарѣлая дѣва, которая была также гувернанткою въ Россіи, скопила небольшой капиталъ, и удѣляла своему племяннику по сту пятидесяти рублей въ годъ. Это было тогда много для мелкаго чиновника, и Искринъ, при жалованьѣ, могъ жить порядочно, по своему состоянію. Онъ одѣвался

чисто и даже съ нѣкоторою изысканностію, и оттого въ канцеляріи называли его дворянчикомъ и бѣлоручкой. Главный начальникъ помѣстилъ Искрина при своемъ любимцѣ, экзекуторѣ, и хотя тогда еще не было чиновниковъ для особыхъ порученій, но Искринъ исполнялъ эту должность, хотя и имѣлъ званіе писмоводителя.

Вошедъ въ свѣтлицу Глазова, Искринъ снялъ плащъ и положилъ его у дверей, на стулѣ, а Перепеченко, выступя впередъ въ плащѣ, возгласилъ громогласно: — а отъ сежъ поздравляемъ Микиту Хведоровича съ днемъ ангела! — Искринъ подошелъ къ имениннику и пожалъ ему руку, а Перепеченко досталъ изъ-подъ плаща узелъ и, положивъ его на столъ, примолвилъ: — а вотъ се и трапеза! — и развязавъ узелъ, выложилъ на столъ

кусокъ жареной телятины, обломокъ холоднаго паштета, половину жареной индѣйки, и поставилъ бутылку мадеры. Потомъ, посмотрѣвъ съ самодовольствомъ на имянинника, сказалъ: — Ну, а що, чи добре! — Нельзя лучше, отвѣчалъ Глазовъ: — потому что у меня нѣтъ ни гроша за душой, и было бы не на что васъ поподчивать, въ мои именины. — Есть и гроши! примолвилъ Перепеченко, и вынувъ изъ кармана три серебряные рубля, поднялъ руку надъ головою и сказалъ: — Держи карманъ, вотъ тебѣ на праздникъ! Той бисовъ сынъ подрядчикъ, которому ты написалъ просьбу, видно хотилъ провести тебя, да я придержалъ его за чуприну. Какъ онъ пришовъ ко мни справляться по дилу, такъ я ему сказалъ, что занесу просьбу его послѣднею въ протоколъ, коли онъ

не заплатитъ тебѣ за работу. Ужъ онъ почесывалъ себѣ и лобъ и затылокъ, скребался якъ медвидь за ухомъ, а три рублевика долженъ былъ выложить! — Спасибо, братъ, спасибо! Самъ отслужу! сказалъ Глазовъ. — Дѣло камратское! отвѣчалъ Перепеченко, и снявъ плащъ, придвинулъ стулъ, сѣлъ напротивъ Глазова, понюхалъ табаку и сказалъ: — А знаете ли важную новость! — Что такое? спросилъ Глазовъ. — Сегодня былъ великій пиръ и ликованье у нашего пана и милостивца графа Кирилла Григорьевича; были вси великіе паны и вельможи: графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, Пиколай Ивановичъ Салтыковъ, графъ Иванъ Андреевичъ Остер-

манъ, графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ и много другихъ пановъ. Я видѣлъ всѣхъ ихъ изъ буфета, и слыхалъ вси ихъ рѣчи. Толковали о томъ, что свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, панъ надъ панами, вельможа надъ вельможами, возвращается изъ арміи въ Петербургъ, и что государыня хочетъ принять его, какъ еще никого и никогда не принимали, какъ побѣдителя, какъ триумфатора! Будутъ пиры и праздники, и для пановъ, и для войска, и для народа, и всякія великія царскія милости! Будутъ награды и дары... — Все это, братецъ, не для насъ съ тобою! возразилъ Глазовъ, съ горькою улыбкою: намъ развѣ прибавится работы. — Кому что, а ужъ

мнѣ, вѣрно, будетъ бездна хлопотъ съ моимъ неугомоннымъ Карломъ Федоровичемъ! примолвилъ Искринъ, покачавъ головою. — Будутъ хлопоты, будетъ и утѣшеніе, возразилъ Перепеченко, лукаво взглянувъ на Искрина: — Батько побранить, а дочка погладить, такъ и забудется! — Искринъ покраснѣлъ и потушивъ глаза. — А что, братецъ! сказалъ Глазовъ, развеселясь: вѣдь Наталья Карловна въ самомъ дѣлѣ чудо-дѣвка, кровь съ молокомъ! а ужъ глазки — такъ и горятъ, словно алмазы. Да это сущее благословеніе для тебя, что наглядѣвшись на постную фигуру Карла Федоровича, можно утѣшиться взглядомъ на его дочку! Не одинъ изъ насъ завидуетъ тебѣ, что ты такъ близокъ къ Карлу Федоровичу! — Помилуйте, господа, да чѣмъ же я къ нему близокъ? воскликнулъ съ до-

садою Искринъ: развѣ тѣмъ, что каждый день имѣю удовольствіе получать отъ него по нѣскольку выговоровъ, ни за что, ни про что! Нашъ князь, княгиня, княжны, мадамы, мамзели, ключница, горничная, камердинеръ, словомъ, весь домъ, поручаютъ свои комиссіи Карлу Федоровичу, а онъ всю тяжесть дѣла сваливаетъ на меня, и всю заслугу присвоиваетъ себѣ. Я долженъ бѣгать, искать, торговаться, покупать, принимать, отдавать, расписываться за всѣхъ и cadaго, а сверхъ того вести экзекуторскія книги и счета, повѣрять домашніе счета князя, писать частныя письма для всѣхъ и cadaго, и если дѣло въ угоду, благодарность Карлу Федоровичу; не понравилось — мнѣ гонка отъ него! Жизнь моя, право, хуже жизни почтовой лошади, и я ни за что не оставался бы на мѣстѣ,

еслибъ... Искринъ спохватился и замолчалъ. — То есть, еслибъ у Карла Федоровича не было такой прекрасной дочки, примолвилъ Перепеченко. — Я уважаю Наталью Карловну и почтенную тетуску ея, Марью Прохоровну, сказалъ Искринъ, понизивъ голосъ: но мое положеніе таково, что мнѣ непростительно было бы даже помышлять о дочери богатаго, притомъ гордаго начальника, не имѣя ни состоянія, ни покровительства, ни даже надежды на улучшеніе моей участи! — *Omnia vincit amor!* сказалъ Глазовъ. — Я, братецъ, не знаю по-латыни. — Любовь все побѣждаетъ! примолвилъ Перепеченко. — Все, кромѣ бѣдности! сказалъ уныло Искринъ. Глазовъ испустилъ тяжкій вздохъ, и вдругъ вскочилъ съ мѣста, взъерошилъ волосы на головѣ, и ударивъ кулакомъ по столу,

вскрикнулъ: Наливай, Перепеченко! Перепеченко немедленно откупорилъ бутылку, налилъ вина въ стаканъ, стоявшій на печкѣ, и хотѣлъ провозгласить здоровье имянинника, но Глазовъ вырвалъ у него стаканъ изъ рукъ, выпилъ душкомъ; велѣлъ налить другой, опять выпилъ, въ два глотка, и воскликнувъ, какъ изступленный: Бѣдность! бѣдность! сѣлъ на прежнее мѣсто, и опустилъ голову на грудь. Товарищи выпили по стакану за его здоровье, Но Глазовъ, казалось, ничего не видалъ и не слыхалъ. Онъ погруженъ былъ въ глубокую думу. Наконецъ, какъ будто бы проснувшись, онъ устремилъ быстрый взглядъ на пустую бутылку, и потомъ, вынувъ изъ-подъ подушки серебряный рубль, полученный отъ Перепеченка, подалъ ему и сказалъ: пошли, братецъ, хозяйскую

кухарку за водкою! — Микита Хведоровичъ, да помилосердуй! завопилъ Перепеченко жалкимъ голосомъ. Ну вотъ ты опять попадешь въ свою черную колею, и опять наживеешь себѣ бѣду! На що тебѣ это питье? Не лучше ли перекусить?... — Хочу пить! вскричалъ Глазовъ, поднявъ голову. — Любезный Никита Федоровичъ! сказалъ ласково Искринъ: вспомни, что ты званъ завтра къ правителю канцеляріи, что тебѣ должно сочинять важныя бумаги... — Глазовъ вскочилъ снова съ мѣста и громко завопилъ: пусть пишетъ тотъ, кто подписываетъ! Кто грѣтся, пусть тотъ и дрова рубить! Хочу пить!... — Микита Хведоровичъ! возразилъ Перепеченко: вѣдь ты зашьешь — такъ и конца не будетъ! а начальство у насъ отеческое, и если рѣдко милуетъ, такъ уже взысканія не про-

пустить. Вспомни, что намъ нельзя жить своею волей: мы люди малые, бѣдные!...

Перепеченко этими словами рас­травилъ рану Глазова. — Бѣдные, мелкіе люди! воскликнулъ онъ отчаянно. — Скажи лучше, не люди, а лошади! Я ли имъ не работалъ! кто безъ меня писалъ бы имъ, въ послѣднюю войну, греческія бума­ги? А мнѣ не дали и грецкаго орѣ­ха! Я сушилъ мозгъ по днямъ и ночамъ, а они побрали себѣ на­грады, и тогда только вспомнили обо мнѣ, когда я напился съ горя, и вспомнили для того, чтобъ запереть въ холодный чуланъ, какъ собаку! Не пойду завтра въ канце­лярію... не хочу работать... хочу пить! Не хотите пить со мною, такъ прощайте... пойду въ трак­тиръ!...

Глазовъ накинулъ плащъ на пле-

ча, поверхъ тулуна, надѣлъ свою попошенную шляпу, взялъ три серебряные рубля, которые принесъ ему Перепеченко, положилъ ихъ въ свою тавлинку, и пошелъ къ дверямъ. Перепеченко и Искринъ хотѣли остановить его, но Глазовъ, одаренный гигантскою силой, отряхнулся — и товарищи его едва устояли на ногахъ. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, они также надѣли свои плащи и вышли. — Что тутъ дѣлать? сказалъ печально Искринъ... Какъ мнѣ жаль этого человѣка! — Да, правда... Но вѣдь это талантъ, а таланты, въ наше время, боятся засохнуть безъ поливки, примолвилъ насмѣшливо Перепеченко. А что ты думаешь, Александръ Андреевичъ, не выпить ли и намъ, съ горя, по маленькой? Вѣдь и мы люди не бездарные, а одного Микиту Хведо-

ровича опасно пускать въ трактиръ; онъ можетъ набушевать и попасться въ полицію? Пойдемъ спасать его... — Нѣтъ, любезнѣйшій, ужъ на это я не рѣшусь! отвѣчалъ Искринъ. Ступай съ нимъ, если угодно — я ворочусь домой. У меня есть дѣло!

Они вышли на улицу. Перепеченко пошелъ въ трактиръ за Глазовымъ, а Искринъ воротился домой, съ горестью въ душѣ. Ему жаль было Глазова, человѣка добраго и ученаго, который, слѣдуя духу своего времени, началъ пить съ горя, а потомъ, втянувшись, пилъ всегда, когда ему попадались въ руки деньги, припоминая вѣчное свое горе. По несчастію, онъ находилъ себѣ товарищей и помощниковъ, увлекаая ихъ своимъ краснорѣчіемъ. Живя безъ надежды, безъ всякихъ видовъ и почитая

себя осужденнымъ судьбою въ вѣчные работники и на всегдашнюю бѣдность, Глазовъ хмѣлемъ заглушалъ свои питическія мечты и высокіе помыслы, раждашіеся отъ чтенія великихъ писателей древности. Чувствуя, чѣмъ бы онъ могъ быть, и зная, что никогда ничѣмъ быть не можетъ, Глазовъ почиталъ себя счастливымъ тогда только, когда могъ забыть свое положеніе и впасть въ состояніе безсмысленнаго животнаго. Не было благодѣтельной руки, которая поддержала бы его въ нищетѣ, и указала стезю, которою изъ нея выбираются на свѣжій воздухъ. Глазовъ погибъ оттого, что лишился надежды и не имѣлъ опоры. Добрые люди! если вы встрѣчаете въ нищетѣ человѣка съ умомъ и дарованіемъ, спасайте его, ради Бога! Отъ отчаянія недалеко до

порока и до гибели... Какъ много Глазовыхъ погибло подъ начальствомъ слѣпыхъ любимцевъ счастья, почитавшихъ людей только ступенями къ своему возвышенію!...

II.

НУЛЬ СЪ ДУШЕЮ, И БЕЗДУШНАЯ
ЦЫФРА.

Князь Петръ Андреевичъ Камышенскій только что всталъ съ постели, и развалясь въ вольтеровскихъ креслахъ, пилъ кофе, поглядывая съ умиленіемъ на двѣ звѣзды, нашитыя на его шелковомъ халатѣ.

Звѣзды были тогда рѣдки на фирмаментѣ почестей. Было мно-

жество тайныхъ совѣтниковъ, сенаторовъ и генераловъ, которые имѣли только Владиміра въ петлицѣ или Георгія 4-го класса. Андреевскія, владимірскія, александровскія и анненскія ленты были чрезвычайно рѣдкостью; о георгиевской лентѣ и говорить нечего, Страннымъ охотникамъ до звѣздъ и лентъ оставалось одно средство къ удовлетворенію желанія, а именно, приобрѣтеніе польскихъ орденовъ Бѣлаго Орла и Святаго Станислава, которые государыня позволяла носить, если польскій король жаловалъ ими съ Ея согласія. Князь Петръ Андреевичъ бывалъ знакомъ съ Понятовскимъ въ то время, когда онъ еще былъ посланникомъ въ Петербургѣ, итакъ ему легко было получить ордена, на которые польскій король не скупился. Звѣзды носили тогда не

только на кафтанахъ и на сюртукахъ, но и на плащахъ, на шубахъ, а весьма многіе носили даже на халатахъ. Это вовсе не почиталось странностію; напротивъ, считали неприличіемъ и дерзостью не носить орденовъ. Въ наше время высшіе государственные сановники принимаютъ подчиненныхъ и просителей не иначе, какъ уже по окончаніи своего туалета, рѣдко заставляютъ себя дожидаться, и даже отказываютъ въ просьбѣ или дѣлаютъ выговоры вѣжливѣе, чѣмъ встарину миловали и хвалили. Въ блаженное екатерининское время, вельможа, или вообще начальникъ принималъ просителей или подчиненныхъ въ халатѣ, въ туфляхъ, иногда сидя передъ зеркаломъ, бреясь или пудрясь, или лежа на софѣ, говорилъ *ты* каждому, кто ниже чиномъ и не принадлежитъ къ

знатной роднѣ, и позволялъ себѣ всевозможныя вольности въ рѣчахъ. Не весьма женировались даже передъ дамами-просительницами, хотя хотя бы онѣ принадлежали къ дворянскому сословію, основываясь на томъ, что порядочная женщина должна непременно найти покровителя, который хлопоталъ бы за нее. Вѣжливость, утонченность нравовъ, любезность, остроуміе имѣли убѣжище только при Дворѣ и въ гостинныхъ древнихъ родовыхъ русскихъ боярѣ, такъ называемыхъ столповыхъ дворянѣ, превращенныхъ европейскою образованностію въ вельможѣ, по образу и по подобію придворныхъ Людовика XV. Но въ приѣмныхъ, въ канцеляріяхъ и въ домашнемъ быту еще крѣпко припахивало дичью и татарщиною. Даже Державинѣ гордился еще предкомъ своимъ,

татарскимъ мурзою , и искалъ безсмертныхъ красокъ для портрета Фелицы въ степяхъ киргизскихъ! Въ то время между Русскими еще можно было найти подлинники мурзь и баскаковъ!... Теперь это перешло въ преданіе!...

Било одиннадцать часовъ. Князь провелъ всю ночь на балѣ, и въ это утро не хотѣлъ заниматься бумагами. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ экзекутора, котораго обязанность состояла въ исполненіи всѣхъ его порученій и всѣхъ потребностей дома, какъ мы уже знаемъ изъ словъ Искрина.

Вошелъ челоуѣкъ небольшого роста, блѣдный, сухощавый, съ безжизненнымъ, потухшимъ взглядомъ, съ прѣсною фізіономіей. Лицо его было покрыто морщинами, не по лѣтамъ, а оттого, что веселая улыбка никогда не растя-

гивала мускуловъ; глаза казались стеклянными. Длинный носъ похожъ былъ на удивительный знакъ, и придавалъ выраженію лица какую-то бессмысленность. По счастью, пудра скрывала безцвѣтность его волосъ! Говорю *безцвѣтность*, потому что для опредѣленія цвѣта прибалтійскихъ волосъ — нѣтъ имени. Это ни бѣлокурые, ни рыжіе волосы, ни сѣрый, ни пепельный цвѣтъ, а что-то неопредѣленное, безыменное, созданное природою для означенія безхарактерности и слабоумія.

Экзекуторъ, Карлъ Федоровичъ Циттербейнъ, поклонился въ поясъ, по тогдашнему обычаю, потомъ выпрямился, хлопнулъ трижды рѣсницами и устремилъ стеклянные глаза свои на князя.

— Какова, братецъ, погода? спросилъ князь зѣвая.

Карль Оедоровичъ хотѣлъ отвѣчать и заикнулся.

— Погода-съ... погода, ваше сіятельство... какъ бы это сказать... погода-съ... такъ-съ!

— Помилуй, братецъ, да ты ужъ боишься говорить и о погодѣ! Вѣдь она тебя не обидитъ!

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство! но я не смѣю сказать опредѣлительно, не зная, какъ вашему сіятельству угодно выѣхать... Можно простудиться, можно вспотѣть отъ жару... на востокъ видны облака, вѣтеръ не то чтобъ сѣверный, однако жъ и не южный... Солнце пригрѣваетъ, но можетъ зайти за тучу...

— Да тѣфу ты пропасть! скажи: тепло или холодно?...

— По правой сторонѣ улицы тепло, а по лѣвой, въ тѣни, доволь-

но холодно. На срединѣ улицы вѣтерокъ чувствителенъ...

— Ахъ, несносный! Да въ чемъ мнѣ выѣхать: въ каретѣ или въ коляскѣ?...

— Я не смѣю взять на себя отвѣтственности за драгоценное здоровье вашего сіятельства... По мнѣ такъ лучше всегда выѣзжать въ каретѣ, или вовсе не выѣзжать. Весеннія погоды переменчивы, и воздухъ вреденъ.

Князь позвонилъ, и вошелъ камердинеръ.

— Вели закладывать карету! сказалъ князь. На лицѣ Карла Федоровича мелькнуло самодовольство; онъ снова, въ запасъ, хлопнулъ три раза рѣсницами, и снова устремилъ стеклянные глаза на князя, радуясь душевно, что онъ высказалъ наконецъ *рѣшительно* свое мнѣніе о погодѣ и что мнѣніе его принято.

— Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ ѣдетъ въ Петербургъ изъ арміи, сказалъ князь.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство! отвѣчалъ экзекуторъ.

— Государыня намѣрена принять его со всевозможными почестями. Будутъ балы и пиры при Дворѣ и въ городѣ. Свѣтлѣйшій былъ всегда милостивъ къ моей княгинѣ, и даже, въ шутку, называетъ княжну Парашу своею образиной, находя, будто бы, въ ней сходство съ собою. Свѣтлѣйшій, быть можетъ, посѣтитъ насъ. Надобно приготовить: Въ гостиныхъ комнатахъ мебель надобно покрыть новымъ штофомъ, а штофъ съ этихъ мебели отослать въ московскій домъ мой. Тамъ уже поустарѣло — пусть подновятъ! Перекрасить экипажи, купить новую сбрую на парадный цугъ — или

лучше вымѣнять на старую сбрую... да позапасться деньжонками! Расходовъ будетъ бездна! Три дочери невѣсты — изволь-ка одѣть!... Покажи-ка прыть свою, Карлъ Ѳедоровичъ! А будутъ награды по случаю торжества — и я тебя не забуду!

— Радъ стараться, ваше сіятельство... но оброку, какъ вамъ извѣстно, нельзя получить до осени. Экстраординарная канцелярская сумма уже издержана на этотъ счетъ въ ожиданіи пополненія, и канцелярскія потребности забираются въ кредитъ. Одно средство... это откупщикъ... Съ нимъ можно было бы сладить, да нельзя управиться съ чиновникомъ, которому поручено его дѣло, и трудно удовлетворить его желаніе... Откупщикъ хочетъ, чтобъ двухъ его племянниковъ помѣстили на штатныя мѣста — а у насъ нѣтъ вакансій.

— Всему можно пособить, братецъ! А въ чемъ дѣло откупщика? Я что-то не помню.

— По корчемству, ваше сіятельство. Люди его тайно провозили вино изъ Польши, и когда ихъ остановили объѣздчики и понятые, такъ они стали обороняться вооруженною рукой, и при этомъ случаѣ убито нѣсколько объѣздчиковъ и понятыхъ... Дѣло уголовное!...

— Да вѣдь какъ ни суди, а мертвыхъ не воскресишь. Притомъ же откупщикъ не былъ при этомъ...

— Но его люди сидятъ въ острогѣ... Съ него требуются штрафы и взысканія...

— Вѣдь если его и освободить отъ взысканія, такъ отъ этого никто не постраждетъ, а многіе будутъ довольны... Дѣло это можно рѣшить въ его пользу...

— Но какъ справиться съ чиновникомъ, ваше сіятельство? Дѣло поручено ему самимъ генераль-прокуроромъ!...

— А кто этотъ чиновникъ?

— Титулярный совѣтникъ Пѣтушковъ. Упрямая голова, сочинитель, патріотъ русскій, помѣшанъ на правосудіи, честности и всѣхъ модныхъ идеяхъ...

— Экая важная фигура! Я думалъ, кто-нибудь изъ нашихъ... Вели правителю канцеляріи отдать дѣло кому-нибудь другому. Кому бы отдать? Какъ ты думаешь?

— Мнѣ кажется, Швернодеру... Онъ мнѣ землякъ, и я ручаюсь, что онъ сдѣлаетъ все, что угодно вашему сіятельству. У него мое правило: служить лицамъ, а не мѣсту...

— Ну, хорошо.

— А на счетъ помѣщенія пле-

мянниковъ откупщика на штатныя мѣста, что прикажете, ваше сіятельство? . . .

— Надобно очистить вакансіи... Ну, вотъ перваго долой Пѣтушкова... а другаго... кого, бишь?... Ахъ, да, того, что былъ арестованъ за сочиненіе эпиграммы или сатиры, на кого, бишь, не вспомню? : . .

— На меня... ваше сіятельство... на меня, за преданность мою къ вамъ! . . .

Князь захохоталъ. — Помню, помню! Презабавно! Ну, братъ, воля твоя, а онъ славно тебя описалъ! Съ чѣмъ, бишь, онъ сравнивалъ тебя?

— Съ бѣшенымъ осломъ, ваше сіятельство!

— Зло, нечего сказать, зло! Умень, бестія, да опасенъ! Пожалуй онъ махнетъ и на кого другаго... пусть его!... Я не хочу говорить объ этомъ съ правителемъ канцеляріи. Это Ру-

сакъ стараго покроя: его не скоро уломаешь, а ты мнѣ найди что-нибудь такое, къ чему можно было бы привязаться... Ну, ступай же! Смотри, чтобъ деньги были непремѣнно.

— Постараюсь, ваше сіятельство!

— Да! постой еще! Ну, а чтожъ, нашель ли ты жениха для Маши? Вѣдь болѣе двухъ недѣль ждать нельзя.

— Есть, ваше сіятельство, на примѣтъ... Сегодня рѣшится дѣло...

— Помни, что онъ долженъ быть непременно какой-нибудь порядочный человѣкъ... Я хочу, чтобъ дитя Маши имѣло имя.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство!

— Ну, теперь ступай за дѣлами!...

Экзекуторъ вышелъ, и князь велѣлъ подавать одѣваться.

Иной, судя по этой сценѣ, подумаетъ, что князь Петръ Андреевичъ Камышенскій былъ человекъ злой, корыстолюбивый, взяточникъ... Ни чуть не бывало! Онъ былъ просто человекъ, какимъ изобиловало общество XVIII вѣка, то есть, ученикъ и послѣдователь школы энциклопедистовъ, почитавшей патриархомъ своимъ Вольтера. Князь нарочно ѣздилъ въ Ферней, поклониться этому великому разрушителю нравственной природы человеческой, жилъ цѣлую зиму въ Парижѣ, въ обществѣ Дидерота, Даламберта, Гельвеція, и былъ въ тѣсной дружбѣ съ знаменитымъ барономъ Гольбахомъ, державшимъ притонъ всѣмъ такъ-называемымъ философамъ, которые усердно трудились для ниспроверженія общественнаго порядка, въ увѣренности, что они преобразовываютъ міръ къ лучшему.

Князь испилъ до опьяненія изъ чаши энциклопедической философіи, и слѣдуя внушенію одной чувственности, вообразилъ себѣ, что онъ эпикуреецъ. Не станемъ разбирать ни правилъ его, ни вѣрованія. Довольно, однако жъ, сказать, что онъ ничему не вѣрилъ, кромѣ своего желудка; всѣ надежды ограничивалъ настоящимъ, и не помышлялъ о будущемъ; «après moi le déluge!» говаривалъ онъ часто, то есть, «послѣ меня хоть трава не расти!» Въ сердцѣ его, изсушенномъ безнадежностью и софизмами, не было ни зла, ни добра; была пустота, которую онъ думалъ наполнить чувственными наслажденіями и свѣтскимъ разсѣяніемъ. Когда желудокъ его варилъ исправно, когда въ шкатulkѣ лежали запасныя деньги, когда онъ былъ счастливъ въ любви и въ карточной игрѣ, и когда са-

молюбіе его не было оскорблено, — князь былъ человекъ прелюбезный и предобрый, угождалъ всѣмъ, былъ вѣжливъ даже съ лакеями своими, и охотно дѣлалъ добро. Въ противномъ случаѣ, ничто не удерживало его, и онъ переступалъ исполинскими шагами черезъ всѣ правила, не смѣя только нарушить приличій большаго свѣта. Это была единственная узда на него! — Особенно былъ князь сговорчивъ на все, когда у него не доставало денегъ. Онъ не бралъ взятокъ, а только занималъ деньги. Но какъ всѣмъ и каждому извѣстно было, что князь не платитъ долговъ, и что послѣ его смерти будетъ конкурсъ, то ему давали деньги въ займы тѣ только, которымъ нужно было приобрѣсть его покровительство. Онъ пользовался въ свѣтѣ значеніемъ, по родству, по связямъ и особенно по по-

кровительству князя Григорія Александровича Потемкина, который былъ весьма милостивъ къ супругѣ князя, почитавшейся одною изъ первыхъ красавицъ въ столицѣ, лѣтъ за двадцать предъ симъ. Князь Камышенскій не имѣлъ ни уваженія, ни довѣренности къ людямъ, любилъ одного себя, занимался всѣмъ поверхностно, какъ говорится, только чтобъ *сбыть дѣло съ рукъ*. Онъ ненавидѣлъ и боялся людей страстныхъ, пламенныхъ, энтузіастовъ, и предпочиталъ имъ эгоистовъ, потому-что изъ нихъ можно сдѣлать что угодно, приманкою выгоды. Вотъ почему онъ употреблялъ для всѣхъ своихъ порученій Карла Федоровича Циттербейна, и въ этомъ отношеніи не могъ сдѣлать лучшаго вѣбора.

Карлъ Федоровичъ, вышедъ отъ князя, важно прошелъ чрезъ кан-

целярію, гордясь порученіями начальника, и увидѣвъ помощника своего, Искрина, кивнулъ ему, чтобъ онъ за нимъ слѣдовалъ. Карлъ Федоровичъ жилъ въ казенной квартирѣ, подъ канцеляріей, итакъ путь его былъ недалекъ. Важность, впечатлѣнная на лицѣ его, не разсѣялась, когда онъ вошелъ въ переднюю, и, къ удивленію, засталъ дочь свою возлѣ самыхъ дверей. Дѣвица смутилась, ахнула и отступила въ страхѣ отъ отца, успѣвъ однако жъ бросить взглядъ на Искрина, который шелъ за Карломъ Федоровичемъ:

— Кого или чего вы здѣсь ждали, сударыня? сказалъ экзекуторъ грозно.

— Такъ-съ... никого... ничего-съ... Бѣдная дѣвушка краснѣла и не знала что отвѣчать, и вдругъ дверь отворилась и изъ галереи вы-

глянулъ русскій мужичокъ, съ ящичкомъ за плечами: — гребни, гребешки, самые лучшіе, дешево отдамъ!... сказалъ разносчикъ.

Дѣвушка опомнилась. — Я уви-дѣла въ окно разносчика... и хотѣла поторговать гребень... сказала она, не смѣя поднять глазъ.

— Извольте итти въ свою комнату, проворчалъ отецъ, а ты убирайся отсюда, примолвилъ онъ, обращаясь къ разносчику. Дѣвушка поспѣшно ушла, успѣвъ однакожь бросить значительный взглядъ на Искрина, который былъ ни живъ, ни мертвъ отъ этой сцены.

— Ступай за мною въ кабинетъ, сказалъ Карлъ Федоровичъ Искрину, и пошелъ мѣрными шагами впередъ, поднявъ голову. Пришедъ въ кабинетъ, онъ сѣлъ за письменный столъ, на которомъ все лежало и стояло въ величайшемъ

порядкѣ: счетныя книги, одна на другой, счетная доска на книгахъ; чернилица и шандалъ блестяи, пукъ очиненныхъ перьевъ красовался въ стаканѣ. Нигдѣ не видно было чернильнаго пятнышка. Искринъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола.

— Ты долженъ знать, что въ Петербургъ ждутъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина...

— Слыхаль-съ, отвѣчалъ Искринъ.

Карлъ Федоровичъ вскочилъ со стула. — Какъ! Ты слыхаль уже объ этомъ? Когда, гдѣ, отъ кого? какъ ты могъ слышать объ этомъ, когда я самъ только сейчасъ узналъ это отъ его сіятельства!

— Я слышалъ это вчера, отъ пріятеля.

— Какъ! у тебя есть пріатели, которые знаютъ государственныя тайны! сказалъ Карлъ Ѳедоровичъ, трепещущимъ голосомъ, устремивъ неподвижный взоръ на Искрина.

— Помилуйте, Карлъ Ѳедоровичъ, что это за государственная тайна, когда весь городъ готовится къ встрѣчѣ свѣтлѣйшаго, и сегодня вывезли на московскую дорогу смоленыя бочки, для освѣщенія ея, если свѣтлѣйшій проѣдетъ ночью.

— Ты знаешь полицейскія распоряженія! Удивительно!

— Ничего нѣтъ удивительнаго. Я видѣлъ, какъ везли бочки, и узналъ причину отъ полицейскаго сержанта.

— Ты въ связи съ полиціею, примолвилъ Карлъ Ѳедоровичъ, поблѣднѣвъ.

— Ничуть: я спросилъ вовсе

незнакомаго мнѣ человѣка, и онъ отвѣчалъ безъ обиняковъ.

Карлъ Федоровичъ снова присѣлъ, и не зналъ, какъ начать, поглядывая недовѣрчиво на Искрина. Наконецъ, перевернувъ нѣсколько бумагъ и собравшись съ духомъ, экзекуторъ сказалъ :

— Итакъ, ты ужь знаешь, что прїѣдетъ свѣтлѣйшій. Нашъ князь хочетъ угостить его у себя, и для этого надобно подновить мебель, обои и прочее. Намъ будетъ много дѣла. Надобно также исправить все въ канцеляріи, то есть, по наружности, выкрасить ворота, стѣны на лѣстницахъ, въ корридорахъ, подъ воротами, вычистить дворы... За это мы примемся съ тобою съ завтрашняго дня; а теперь я поручу тебѣ дѣло поважнѣе и предложу... Слушай! Ты знаешь Пѣтушкова?

— Прекрасный человекъ, умный, честный, образованный! примолвилъ Искринъ.

— То есть, упрямый, дерзкій, вольнодумецъ, который осмѣливается имѣть собственное мнѣніе, который противится волѣ начальства, сказалъ экзекуторъ.

— Онъ никогда не противился волѣ начальства, но когда ему поручать дѣло, излагаетъ свое мнѣніе по совѣсти... отвѣчалъ Искринъ.

— Онъ долженъ спрашивать, какое ему имѣть мнѣніе, а не соваться съ своею совѣстью... Да что тутъ толковать! Князь не хочетъ имѣть въ канцеляріи ни Пѣтушкова, ни Пѣвцова... Пѣвцова! примолвилъ экзекуторъ, стиснувъ зубы... Пѣвцова... этого злодѣя.

— Онъ поступилъ дурно, что написалъ на васъ эпиграмму; но, впрочемъ, онъ человекъ умный, чест-

ный и благородный... сказалъ Искринъ.

— Честный и благородный! И ты смѣешь это сказать мнѣ въ глаза? возопилъ экзекуторъ въ бѣшенствѣ, трепеща отъ злобы.

— Вы напрасно изволите гнѣваться, Карлъ Федоровичъ: я ужь докладывалъ вамъ, что я не одобряю его поступка противъ васъ... но этотъ одинъ проступокъ...

— Это, сударь, не поступокъ и не проступокъ, а просто злодѣяніе... заревѣлъ Карлъ Федоровичъ, выпучивъ глаза на Искрина: — злодѣяніе, убійство, воровство, измѣна, богоотступничество!... Но ужь Пѣвцова я беру на себя... а тебѣ предстоитъ теперь прекрасный случай къ отличію. Сочини доносецъ на Пѣтушкова!...

Искринъ отступилъ до дверей, и перекрестился. — За кого вы меня

принимаете, Карлъ Ѳедоровичъ?... сказалъ онъ, нахмуривъ брови.

— За человѣка умнаго, который не упускаетъ случая къ своему возвышенію... Теперь будетъ представленіе къ наградамъ, и твое усердіе и преданность къ начальству не останутся въ забвеніи.

— Мнѣ писать доносы, и на кого?— На человѣка, котораго я уважаю. Вы ошиблись во мнѣ, Карлъ Ѳедоровичъ, и еслибъ... еслибъ не уваженіе мое къ... къ вашему семейству... но, лучше всего, кончимъ это. Прошу васъ никогда не говорить мнѣ о подобныхъ дѣлахъ.

— Не горячись, братецъ, здѣсь коротко и ясно: не хочешь повиноваться — такъ попадешь въ одну категорію съ Пѣтушковымъ и Пѣвцовымъ. Но я не хочу сдѣлать тебя несчастнымъ, и предлагаю теперь единственное средство къ твоему

спасенію: женись на Машѣ!... то есть на Марьѣ Егоровнѣ...

— Это что значитъ? сказалъ Искринъ, покраснѣвъ отъ досады.

— Дѣвушка, которая пользуется особенною милостію князя... дѣвушка прекрасная, умная и весьма-добрая... она живетъ на вольной квартирѣ съ своею тетусшкою; ты помнишь, куда мы ставили дрова... Марья Егоровна имѣетъ изрядное приданое и, кромѣ того, принесетъ тебѣ свадебный подарокъ, а именно, покровительство князя, повышение, награды и двойное жалованье — словомъ, полное счастье...

Кроткій и скромный отъ природы Искринъ почти вышелъ изъ себя отъ гнѣва: онъ приступилъ на шагъ ближе къ столу, заложилъ руки на груди, склонилъ голову, и, устремля грозный взглядъ на экзекутора, презрительно улыбнулся,

молчалъ, и наконецъ покачалъ головою.

Карлъ Федоровичъ струсилъ; онъ привсталъ, оперся одною рукою на столъ, а другою схватилъ колокольчикъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, смотрѣлъ безпокойно на Искрина, котораго онъ никогда не видалъ въ такомъ положеніи.

Наконецъ, Искринъ пришелъ въ себя. Глаза его наполнились слезами, и онъ сказалъ: — Богъ вамъ простить, Карлъ Федоровичъ! Вы меня жестоко оскорбили; я не заслужилъ этого!... Сказавъ это, онъ обернулся, чтобъ выйти изъ кабинета.

Карлъ Федоровичъ ободрился. — Помилуй, братецъ, да ты право сумасшедшій! Чѣмъ же я тебя обидѣлъ? Развѣ тѣмъ, что желалъ тебѣ добра, далъ случай составить счастье?... Ей Богу, ты не въ своемъ

умѣ! Помни, что ты бѣденъ, безъ всякой протекціи... ну, настоящей нуль на бѣломъ свѣтѣ.

— Нуль... съ душою, сказалъ Искринъ: и лучше хочу остаться ничѣмъ, нежели значить что либо, опираясь на бездушную цифру!... Онъ вышелъ скорыми шагами изъ комнаты, выбѣжалъ на улицу и, съ отчаяньемъ въ душѣ, пошелъ бродить по городу.

III.

РОДОСЛОВНАЯ ПЕРВАГО ДВОРЯНИНА; И СЕМЕЙНАЯ КАРТИНА.

Что такое дворянинъ? Сынъ чиновника 8-го класса, или штаб-офицерскаго чина, или кавалера такого-то ордена, скажутъ мнѣ въ отвѣтъ, или сынъ 1-й гильдіи купца, перешедшаго въ дворянство. Прекрасно! Но я говорю теперь не объ этомъ...

Каждый народъ переходилъ, постепенно, изъ дикаго состоянія къ благоустроенному обществу; но едва дикари успѣютъ составить орду, уже между ими есть начальники и старшины. Въ начальники и старшины избираютъ людей мужественныхъ, умныхъ, отличныхъ отъ прочихъ своими природными дарованіями. Оказавъ услуги своимъ одноплеменникамъ, начальники и старшины пользуются общимъ уваженіемъ, и по свойству неиспорченной человѣческой природы, уваженіе и любовь общая достаются въ удѣлъ дѣтямъ заслуженаго мужа, и нисходятъ на все его потомство. Каждый честный и добрый человѣкъ сохраняетъ въ сердцѣ любовь къ сыну и внуку своего благодѣтеля. Наконецъ, когда племя или народъ дѣлается осѣдлымъ и уже управляется обычаями или

законами, — эти самые законы или обычаи, будучи выраженіемъ общаго мнѣнія, награждая доблесть и заслугу, и поощряя другихъ къ самоотверженію для общаго блага, распространяютъ права и преимущества заслуженныхъ мужей на ихъ потомство. Это самый естественный ходъ дѣлъ человѣческихъ и самое вѣрное истолкованіе происхожденія родоваго дворянства. Отецъ семейства охотно жертвуетъ всѣмъ — умомъ, трудомъ, временемъ и жизнью, если увѣренъ, что его жертва составитъ благосостояніе дѣтей. По закону природы, мы живемъ только для дѣтей и въ дѣтяхъ, и эгоисты-отцы, которые для удовлетворенія своихъ страстей и для личныхъ наслажденій жертвуютъ благомъ семейства, суть выродки вычурной образованности и заблужденій, отступле-

ніе отъ законовъ природы, исключеніе изъ правила.

Такимъ порядкомъ шли, идутъ и будутъ итти дѣла повсюду въ монархіяхъ и республикахъ, въ кочевыхъ ордахъ и между полудикими горцами и островитянами. Вездѣ есть дворянство, то есть, старшіе роды, ведущіе родословную отъ мужей, заслуженныхъ на родинѣ. Демократія и равенство — пустой звонъ, фарсъ, которымъ честолюбцы и интриганты соблазняютъ только школьниковъ или невѣждъ.

Человѣкъ всегда разсматривается двояко: какъ существо, одаренное душою бессмертною, и какъ животное, прикованное къ землѣ жизненными потребностями. Природа, какъ извѣстно, раздѣляется на органическую и мертвую: первую составляетъ все, что живетъ и рас-

теть. Къ этому разряду принадлежатъ растенія и животныя, имѣющія аналогическія свойства жизни. На хорошей почвѣ, въ свойственномъ климатѣ растеніе прозябаетъ превосходно, и приноситъ вкусныя и обильныя плоты. Хорошая пища и рачительное содержаніе облагораживаютъ породы животныхъ, какъ говорятъ агрономы, а отъ смѣшенія ихъ съ лучшими породами даже перерождается племя: это доказано опытомъ.

То же бываетъ и съ людьми. Человѣкъ, котораго предки въ теченіе 500 или 300 лѣтъ помѣщались въ удобныхъ жилищахъ, питались лучшею пищею, одѣвались мягкими тканями — уже человѣкъ другой породы! Теперь обратитесь къ нравственному бытію. Человѣкъ, котораго предки должны были мыслить, то есть, изощрять благороднѣйшія

свои способности, человекъ, котораго предки руководствовались честью, славою и любовью къ отечеству и всѣми великими и благородными чувствованіями и помышленіями, — этотъ человекъ получаетъ при рожденіи органы чувства нѣжнѣе, болѣе способные къ принятію всѣхъ высокихъ впечатлѣній. Прибавьте къ этому благородную гордость отъ воспоминанія заслугъ предковъ и ихъ значенія на родинѣ, примѣры великихъ подвиговъ, и вы согласитесь, что только дурное воспитаніе или уродливость въ организаціи могутъ довести стараго дворянина до того, чтобъ онъ измѣнилъ своей природѣ. Ложныя идеи, распространяемыя мнимыми философами, и ложное направленіе политическихъ обществъ измѣнили во многомъ первыя начала этого дѣла; но все ска-

занное мною великая истина! Выродки составляютъ исключеніе, ибо безъ исключеній нѣтъ ничего ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ мірѣ. Въ средніе вѣки, во время всеобщаго разврата нравовъ и забвенія всѣхъ основныхъ правилъ общества, рыцари, то-есть, старые дворяне, разбивали купеческіе караваны на большихъ дорогахъ, но не крали и не мошенничали, потому что, при явномъ нападеніи, они жертвовали собственною жизнью и почитали разбой войною. Рыцари считали маловажною убить явно мѣщанина и поселянина за ослушаніе и грубость, а убить жида значило то же, что убить барана; но солгать или измѣнить данному слову вмѣнялось въ безчестіе. Въ самомъ злѣ и развратѣ, все гнусное и малодушное отвергаемо было дворянствомъ; но

довольно объ этомъ... Обратимся къ моему главному предмету, замѣтивъ однакожъ, что все сказанное мною о породахъ людей въ нашемъ XIX вѣкѣ относится уже ко всему образованному сословію...

Въ одномъ изъ остзейскихъ городишковъ, жилъ былъ волюноотпущенникъ, по имени Юганъ, родомъ изъ Эстовъ, или какъ у насъ говорятъ, изъ Чухонъ, и питался поденною работою. Жена его торговала на рынкѣ хлѣбомъ и зеленью. Однажды, высокопочтенный бургомистръ города шелъ важно по берегу рѣки, и размышлялъ о своемъ величїи, утѣшаясь тѣмъ, что работники снимаютъ передъ нимъ шляпу, какъ вдругъ дерзкій вѣтеръ, не признавая власти бургомистра, сорвалъ съ него самого шляпу, которую онъ ломалъ только предъ богатыми дворянами —

и бросилъ эту шляпу въ рѣку. Юганъ складывалъ на берегу городскіе дрова, и увидѣвъ это, бросился по поясъ въ воду, досталъ шляпу, стряхнулъ ее, обтеръ своимъ рукавомъ, и почтительно подалъ бургомистру, съ тремя низкими поклонами. Бургомистръ былъ смѣшонъ до крайности своимъ чванствомъ, но онъ имѣлъ доброе сердце. Онъ велѣлъ Югану прійти къ себѣ на домъ, и распросивъ его объ всемъ, далъ ему мѣсто сторожа при городскихъ дровахъ, а сыну его, Фрицу, позволилъ посѣщать, безденежно, городскую школу. Юганъ служилъ вѣрно и усердно, и бургомистръ покровительствовалъ его. Когда сыну Югана исполнилось двѣнадцать лѣтъ, и онъ обучился читать и писать по-нѣмецки и по-эстонски и первымъ четыремъ правиламъ ариѐме-

тики, бургомистръ отдалъ его въ ученье къ портному. Въ три года Фрицъ сдѣлалъ удивительные успѣхи въ портняжествѣ, но на четвертый годъ на него нашла цѣлая полоса бѣдствій. Въ одинъ годъ умерли его родители отъ эпидемической болѣзни, свирѣпствовавшей тогда на берегахъ Балтійскаго Моря; въ томъ же году скончался покровитель его, бургомистръ, отъ желтухи, приключившейся оттого, что одинъ важный ландратъ позвалъ нарочно къ себѣ обѣдать двухъ ратсгеровъ магистрата, и не пригласилъ бургомистра, для униженія его! А важнѣйшее несчастіе было то, что хозяинъ Фрица, портной, спился съ кругу, и во время опьяненія впадалъ въ родъ бѣшенства и билъ немилосердо всѣхъ — жену, дѣтей и работниковъ. Однажды, проѣздомъ чрезъ городъ, оста-

новился въ трактирѣ офицеръ, родомъ изъ Нѣмцевъ. Деньщикъ его заболѣлъ до такой степени, что его надлежало оставить въ госпиталѣ. Вечеромъ офицеръ велѣлъ позвать къ себѣ мальчика отъ портнаго, для какой-то маловажной работы. Явился бѣдный Фрицъ, съ подбитыми глазами, и когда офицеръ спросилъ его о причинѣ этихъ знаковъ, Фрицъ разсказалъ ему, со слезами, о своей горькой участи. Офицеръ предложилъ ему ѣхать въ Петербургъ, и Фрицъ съ радостью согласился. Черезъ трое сутокъ они уже были въ Петербургѣ.

Когда деньщикъ офицера возвратился изъ госпиталя, Фрицъ сталъ ненуженъ офицеру, и онъ отрекомендовалъ его знакомому портному. Хорошимъ поведеніемъ, прилежаніемъ и искусствомъ Фрицъ

пріобрѣлъ уваженіе и довѣренность-хозяина, который сдѣлалъ его под-мастеремъ и первымъ закройщи-комъ. По смерти хозяина, вдова его упросила Фрица принять въ полное распоряженіе все заведеніе и жениться на ней, для сохраненія порядка въ дѣлахъ, что Фрицъ и исполнилъ, потому что хотя вдова была старѣе его десятью годами, но прекрасно пекла пироги съ чер-никой, и содержала домъ опрятно. Фрицъ прижилъ съ нею двухъ сы-новей, Карла и Петра, и составилъ трудами и бережливостью поряд-очное состояніе. Онъ работалъ на всѣхъ чиновниковъ одной изъ тог-дашнихъ коллегій, заступавшихъ нынѣшнія министерства, и испол-няя вѣрно и честно всѣ порученія, и притомъ кредитуя чиновникамъ, большимъ и малымъ, пріобрѣлъ общую любовь. Дитя богатства, че-

столюбіе, наконецъ овладѣло добрымъ портнымъ, и онъ рѣшился вывести дѣтей своихъ въ люди, по примѣру другихъ богатыхъ ремесленниковъ. Онъ сперва назначалъ одного сына въ доктора, а другаго въ пасторы; но чиновники уговорили его записать дѣтей на службу въ канцелярію. Такъ и сдѣлано. Старшій изъ братьевъ, Карлъ, пользовался милостью начальника, который любилъ его отца, и потому Карлъ служилъ весьма счастливо. Вся обязанность его, въ теченіе двадцати лѣтъ, состояла въ томъ, чтобъ чинить перья для начальниковъ и исполнять ихъ домашнія порученія. Начальники, смѣняясь, передавали его другъ другу, какъ вещь, какъ печать канцеляріи. Между тѣмъ Карлъ лишился своихъ родителей; по волѣ одного изъ своихъ начальниковъ, женился на его

домоправительницѣ, изъ бѣдныхъ малороссійскихъ дворянокъ, прижилъ съ нею дочь Наталію, крещеную въ Православной Вѣрѣ, дослужился до чина коллежскаго ассессора, и получилъ штатное мѣсто экзекутора. Онъ скоро овдовѣлъ, и бывъ въ строгой зависимости отъ жены, поклялся не жениться въ другой разъ. Младшій братъ его, Петръ, перешелъ въ военную службу, дослужился до чина подпоручика, женился, по любви, на дочери бѣднаго русскаго чиновника, и умеръ отъ болѣзни. Послѣ честнаго портнаго осталось, какъ уже сказано, порядочное состояніе — каменный домъ и тысячъ со сто рублей. Братья дѣлились между собой доходами. Чувствуя приближеніе кончины, Петръ далъ заемное письмо женѣ своей въ 30,000 рублей, отказавъ остальное, по за-

вѣщанію, племянницѣ. Карлъ хотѣлъ было тягаться со вдовою своего брата, но родные ея настраивали экзекутора, и онъ предложилъ своей золовкѣ жить у него, довольствоваться процентомъ, и наблюдать за воспитаніемъ его дочери. Она согласилась.

Итакъ, вотъ родословная Карла Федоровича! Нѣмецкій портной назывался Югансономъ, то есть, Ивановымъ, по имени своего отца, и подъ этимъ именемъ сыновья портнаго вошли въ службу, и Петръ удержалъ его. Но одинъ изъ начальниковъ назвалъ Карла, въ послужномъ спискѣ канцелярскихъ служителей, Циттербейномъ, то есть *трясоножкой*, оттого, что онъ всегда и всего трусилъ и дрожалъ на ногахъ предъ начальникомъ, и это имя, данное въ шутку, осталось при немъ навсегда. Теперь онъ уже

подписывался по-нѣмецки: фонъ Циттербейнъ.

Дѣдъ и отецъ Карла Федоровича были честные и добрые люди, потому что оставались въ своемъ кругу и не лѣзли насильно въ гору. Братъ Карла Федоровича, Петръ, также былъ хорошій человекъ и исправный офицеръ, потому что любилъ свое званіе, исполнялъ охотно свой долгъ и не мучился честолюбіемъ. Карла Федоровича погубила страсть къ почестямъ и отличіямъ. Этой страсти онъ пожертвовалъ всѣми человѣческими чувствованіями. Не имѣя покровителей въ роднѣ, и столько способностей, чтобъ отличиться на службѣ трудами своими, Карлъ Федоровичъ выслуживался низкопоклонностью и угодливостью, и почиталъ позволенными всѣ средства, которыми только можно снискать благоволе-

ніе начальства. Только одна страсть дѣйствовала въ душѣ его столь же сильно, какъ и честолюбіе, а именно скупость. Потерявъ пять тысячъ рублей на одномъ изъ своихъ начальниковъ, Карлъ Федоровичъ продалъ немедленно домъ, и объявилъ, что онъ лишился всего своего капитала въ одной спекуляціи, а между тѣмъ занимался тайно ремесломъ ростовщика, отдавая деньги займы подъ ручные заклады. Онъ имѣлъ въ этомъ дѣлѣ сообщника, стараго холостяка Нѣмца, человѣка безъ всякаго званія, называвшагося купцомъ, удалившимся отъ дѣлъ, по имени Шварца, который далъ Карлу Федоровичу на прокатъ свое имя и свою честь, за извѣстный процентъ. Два любимыя занятія Карла Федоровича состояли въ томъ, чтобъ считать свои денежки и пересматривать за-

кладныя вещи, и за трубкою табаку мечтать о будущемъ возвышеніи. Сперва всю цѣль его желаній составлялъ чинъ коллежскаго ассесора, съ которымъ сопряжено было дворянское достоинство. По полученіи патента и дворянской грамоты, желаніе Карла Федоровича перепрыгнуло за прежнюю черту, и избрало другую цѣль. Карлу Федоровичу и снился и видѣлся генеральскій чинъ, съ парочкою орденовъ, и онъ тогда только былъ веселъ, когда, запершись въ своемъ кабинетѣ, выписалъ разъ тридцать на листѣ бумаги: Карлъ фонъ Циттербейнъ, *дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ*. Полюбовавшись на свою подпись, онъ, со вздохомъ, сожигалъ этотъ листокъ бумаги, и отправлялся, по обыкновенію, кланяться и наушничать.

Карлъ Федоровичъ видалъ дочь

свою только за столомъ, и мало занимался ею. Нельзя сказать, чтобъ онъ не любилъ ея, но какъ онъ любилъ выше всего себя, чины и деньги, и непрерывно занимался средствами къ удовлетворенію своихъ главныхъ страстей, то родительская любовь не имѣла времени выказываться. Отъ природы онъ былъ угрюмъ и молчаливъ, и притомъ, опасаясь проговориться, никогда ни съ кѣмъ не начиналъ разговора, и на всѣ вопросы отвѣчалъ двусмысленно и неопредѣленно. Дамы, то есть дочь и золовка, всегда почти были однѣ, въ своей комнатѣ. Карлъ Федоровичъ не любилъ знакомствъ, и не вывозилъ никуда своей дочери. Нѣсколько пожилыхъ женщинъ, подругъ юности золовки Карла Федоровича, Марьи Прохоровны, и нѣсколько старыхъ товарищей ея мужа захо-

дили, иногда, навѣстить ее. Въ числѣ послѣднихъ былъ отецъ Искрина, и потому Марья Прохоровна часто призывала Александра Андреевича на чашку чаю или кофе, когда Карла Ѳедоровича не было дома. Искринъ, для забавы дамъ, игралъ на фортепіанѣ и пѣлъ, разговаривалъ съ ними, по-французски, о новыхъ романахъ, приносилъ для прочтенія новыя книги, давалъ ноты, копировалъ узоры, списывалъ для нихъ стихи и пѣсенки, и даже игралъ на четыре руки съ Натальей Карловной, и пѣвалъ съ нею дуэты. Не знаю, какъ это случилось, только по истеченіи года, Наталья Карловна, вошедши въ восемнадцати-лѣтній возрастъ, уже любила Искрина, и даже призналась ему въ томъ, когда онъ открылся ей въ своей любви. Они даже помѣнялись крестами, и по-

клялись другъ другу въ вѣчной любви. Марья Прохоровна вовсе не замѣчала постепенности этой любви, и тогда только опомнилась, когда увидѣла, нечаянно, чрезъ двери, что Наталья, сидя возлѣ Искрина за фортепіаномъ, положила ему руку на плечо, и Искринъ, взявъ другую ея руку, поцѣловалъ, прижалъ къ сердцу и сказалъ: — Будешь ли ты всегда любить меня, Наташа? — Всю жизнь, и скорѣе брошусь въ Неву, чѣмъ выйду замужъ за другаго, отвѣчала Наталья и поцѣловала милаго друга въ лобъ. — Наташа! Александръ Андреевичъ! что это? Ахъ, Боже мой! воскликнула Марья Прохоровна, всплеснувъ руками. Наташа бросилась къ ней, повисла на шеѣ, стала плакать, и сквозь слезы и всхлипыванія говорила! — Тетушка! Я не могу жить безъ него: я умру!

Александръ Андреевичъ цѣловалъ руки Марьи Прохоровны и также плакалъ, не будучи въ состоянїи вымолвить слова. Кончилось тѣмъ, что и сама Марья Прохоровна заплакала и стала обнимать любящихся, называя ихъ своими милыми дѣтками и благословляя, хотя, правду сказать, не имѣла на то никакого права. Съ этихъ поръ Марья Прохоровна, волею-неволею, сдѣлалась покровительницею и повѣренною любовниковъ. Они каждый день видались въ ея комнатѣ, иногда по нѣскольку разъ, и тогда даже, когда Карлъ Федоровичъ былъ въ своемъ кабинетѣ и считалъ свои деньги или тѣшилъ генеральскою подписью. Хотя онъ и заставлялъ нѣскольکو разъ Искрина у своей золовки, и притомъ въ присутствїи своей дочери, но ничего не подозрѣвалъ, зная дружескую связь

отца Искрина съ покойнымъ своимъ братомъ. Впрочемъ, Карлъ Федоровичъ вовсе не зналъ, что такое любовь, и никакъ не могъ предполагать, чтобъ бѣдный, беспомощный чиновникъ осмѣлился полюбить дочь своего начальника, и чтобъ дочь его, экзекутора и коллежскаго ассессора, полюбила чиновника 12-го класса, человека бѣднаго и безъ покровительства! Это не могло даже ему представиться въ воображеніи! онъ уже избралъ себѣ по сердцу зятя, и въ этотъ именно день вознамѣрился объявить дочери о своемъ намѣреніи. Въ этотъ день исполнилось также полтора года отъ знакомства Наталіи съ Искринымъ, и полгода отъ объясненія ихъ въ любви. Оттого именно Наталія ждала въ передней Искрина, чтобъ поздравить его... наканунѣ они говорили объ этомъ...

Наталя не знала о происшедшемъ между отцемъ ея и любовникомъ, и надѣялась увидѣться съ нимъ вечеромъ. Но вечеръ прошелъ, Искринъ не являлся, и она грустно сѣла за ужинъ, жалуясь на головную боль.

Тогда картофель, нынѣшній *plus ultra* нѣмецкой гастрономіи, былъ еще рѣдкостью. Въ мѣщанскомъ нѣмецкомъ быту картофель ѣдали только въ праздники, а ежедневное мѣсто его заступали, такъ называемые, *Schweins-Bohnen*, то есть большіе бобы, которые и нынѣ охотно ѣдятъ нѣмецкіе и полунѣмецкіе биргеры. На столѣ стояло блюдо этихъ бобовъ, отваренныхъ въ водѣ, чайное блюдечко съ масломъ, кусокъ холодной говядины изъ обѣденнаго супа и бутылка поллива. Покушавъ умѣрен-

но, Карлъ Ѳедоровичъ обратился къ своей дочери и сказалъ:

— Наташа! чрезъ мѣсяцъ ты будешь замужемъ! — Наташа испугалась.

— Помилуйте, батюшка! воскликнула она жалостно.

— Я точно милую тебя, и потому выдаю замужъ за прекраснаго человѣка.

— Кто же это? спросила Марья Прохоровна.

— Ты видала его у меня нѣсколько разъ, Наташа, продолжалъ Карлъ Ѳедоровичъ. — Это Иванъ Ивановичъ Швернодеръ.

— Какъ! этотъ рыжій!... сказала Наташа, закрывъ лицо руками и качая головою.

— Рыжіе волосы означаютъ пылкость души... примолвилъ Карлъ Ѳедоровичъ.

— Косой!... возразила Марья Прохоровна.

— Тѣмъ лучше: онъ заразы видѣть на обѣ стороны, сказалъ Карлъ Федоровичъ.— Человѣкъ онъ отличный, способный и имѣеть сильную протекцію. Дядя его управляетъ имѣніемъ одного изъ первыхъ нашихъ вельможъ, и самъ Иванъ Ивановичъ дошелъ до той степени, что даже былъ приглашенъ на обѣдъ къ свѣтлѣйшему князю Григорію Александровичу Потемкину!...

— Что за важность! возразила Марья Прохоровна.

— Да ужъ бѣльшей важности я не знаю! отвѣчалъ Карлъ Федоровичъ: — обѣдать у свѣтлѣйшаго! Да это выше всего, чего нашъ братъ можетъ только достигнуть! Вѣдь послѣ этого выбирай любое мѣсто и куда только угодно: никто

не тронетъ... обѣдать у свѣтлѣйшаго! Да за это можно отдать половину жизни!

— Батюшка! я не понимаю этого достоинства, сказала рѣшительно Наташа, вставъ съ мѣста. — Я осмѣлюсь вамъ доложить, что я ни за что не выйду замужъ за Швернодера.

— Выйдешь, когда я приказываю!.. закричалъ грозно Карлъ Федоровичъ.

Любовь дѣлаетъ героевъ, по старой римской пословицѣ. Наталья нашла въ душѣ своей неизвѣстное ей дотола мужество, и отвѣчала твердо: не выйду!

— Или выйдешь замужъ за человека, который обѣдалъ у свѣтлѣйшаго, или — въ монастырь!

— Хоть на тотъ свѣтъ, но не выйду замужъ иначе, какъ по люб-

ви... а Швернодеръ мнѣ противень!

Съ глазъ долой! завопиаъ Карлъ Ѳедоровичъ. Пошла спать! — Этимъ я вамъ обязанъ, сударыня, примолвилъ Карлъ Ѳедоровичъ, обращаясь къ Марьѣ Прохоровнѣ; вы ее воспитали... это ваши чувства... вѣдь вы также вышли замужъ по любви, то есть, братъ мой женился на васъ по любви... безъ приданого и безъ протекціи!

— И былъ счастливъ! сказала Марья Прохоровна гордо и съ упрekomъ.

— Это до меня не касается... но отъ дочери моей я требую повиновенія... примолвилъ холодно Карлъ Ѳедоровичъ.

— Для этого надобно быть благоразумнымъ въ требованіяхъ, отвѣчала Марья Прохоровна.

— Вы учите меня... вы не имѣе-

те ни какого права на дочь мою, сударыня!

— Я посвятила ей пятнадцать лѣтъ жизни, взлелѣяла ее и воспитала, какъ умѣла, для нея отреклась отъ всѣхъ притязаній на жизненные радости... осталась бездѣтною вдовой... Если вы не признаете моихъ заслугъ, пожалуйста мнѣ мои деньги... я завтра же васъ оставлю!...

Слово *деньги* тронуло Карла Федоровича.

— Ну, полно, не сердитесь... я васъ вполне уважаю!... а все-таки дочь моя должна быть замужемъ за человѣкомъ, который обѣдалъ у свѣтлѣйшаго!... Доброй ночи!

Всѣ разошлись въ дурномъ расположеніи духа.

IV.

РИКОШЕТЫ, ИЛИ СМѢХЪ И ГОРЕ.

Карлъ Федоровичъ полторы сутки не говорилъ ни словечка съ дочерью и съ золовкой. Чтобъ утѣшиться и забыть домашнюю неприятность, онъ умножалъ всѣ свои радости, а именно, два раза лишнихъ пересмотрѣлъ заложенные вещи и сдѣлалъ счетъ своему капиталу, исписалъ три лишнихъ листа бумаги подписью своего имени,

съ чиномъ *дѣйствительнаго статскаго совѣтника*, и три лишнихъ раза прошелся по канцеляріи, съ важностью и гордостью бросая презрительныя взгляды на Пѣтушкова и Пѣвцова, которыхъ участь была у него въ карманѣ. Въ то самое время, когда Карлъ Федоровичъ дерзко и грубо отвѣчалъ Пѣвцову на его замѣчаніе, что перья весьма дурны, чернила рыжѣютъ и бумага протекаетъ, и когда торжественно пожималъ руку Швернодеру и объявлялъ ему, съ сладостною улыбкою, о хорошей погодѣ — курьеръ позвалъ Карла Федоровича къ князю. Карлъ Федоровичъ бросилъ вокругъ гордый взглядъ, сморщилъ лобъ и высунулъ губы, взглянувъ на Пѣвцова, и поднявъ голову, пошелъ, размѣреннымъ шагомъ, въ комнаты князя.

Князь былъ уже причесанъ и

напудренъ, и прохаживался по кабинету, въ утреннемъ сюртукѣ, съ двумя звѣздами. Когда Карлъ Ѳедоровичъ вошелъ въ двери, князь остановился и посмотрѣлъ на него сердито. Карлъ Ѳедоровичъ сперва съѣжился, а потомъ вытянулъ руки по швамъ, поднялъ голову и затрепеталъ всѣмъ тѣломъ.

— Ну, что, есть ли деньги? спросилъ князь.

— Ваше сіятельство!... сіятельный князь!... Откупщикъ что-то упрямится... Онъ надѣется, что по прибытіи свѣтлѣйшаго, найдетъ къ нему дорогу.

— Все ты лжешь! сказалъ князь гнѣвно. — Откупщикъ былъ самъ у меня... Ты вывелъ его изъ терпѣнья своимъ пронырствомъ... Ты хочешь что нибудь выторговать для себя... а мое дѣло чистое: я занимаю и даю на себя обязатель-

ство... Я все знаю! У тебя есть деньги; ты даешь деньги займы другимъ... Князь обернулся и сталъ скорыми шагами ходить по комнатѣ, бросая сердитые взгляды на Карла Федоровича.

А онъ, бѣдный, чуть устоялъ на ногахъ отъ этого нечаяннаго удара.

— Помилуйте, ваше сіятельство, какія у меня деньги! завопилъ онъ жалостно: я бѣдный, раззоренный человѣкъ, и если бъ имѣлъ что нибудь, то съ радостью сложилъ бы у ногъ вашего сіятельства! Отъ откупщика я ничего не требовалъ для себя...

— Молчи! закричалъ князь: — ты все лжешь! Ты сказывалъ мнѣ, что откупщикъ хочетъ помѣстить своихъ племянниковъ на вакантныя мѣста: неправда! Онъ только хочетъ приписать ихъ къ канцеляріи, а напротивъ, просилъ меня повы-

силь Пѣтушкова и Пѣвцова. Первый женится на его племянницѣ, а второй, который написалъ на тебя такую славную эпиграмму, обучаетъ дѣтей его грамотѣ. Поди же сейчасъ въ канцелярію, и скажи правителю, что я приказываю ему дать Пѣтушкову вакантное мѣсто секретаря, а Пѣвцову мѣсто Швернодера, которому сейчасъ же вели подать въ отставку. Я знаю, какія предложенія дѣлалъ онъ откупщику! Можетъ быть, это по твоему наущенію; но я съ тобой раздѣлаюсь послѣ... Маршъ!

Полумертвый, вышелъ Карлъ Федоровичъ отъ князя, обронилъ, въ безпамятствѣ, шляпу и перчатки на лѣстницѣ, сошелъ въ забвеніи внизъ, обошелъ вокругъ нижній корридоръ и весь дворъ, и тогда только опомнился, когда ударился носомъ объ оглобли водовозной

лошади, которой низко поклонился, отступивъ три шага. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ обтеръ холодный потъ съ лица, тяжело вздохнулъ и пошелъ медленно въ канцелярію.

Тихими шагами вошелъ онъ въ переднюю, остановился у дверей, и заглянулъ робко во внутренность. Въ это время Пѣвцовъ, взявъ листъ бумаги, приложилъ къ ней языкъ, и указывая товарищамъ бумагу, сказалъ: — Вотъ промоклая душа нашего эзекутора! и потомъ разбивъ щелчкомъ нѣсколько перьевъ, при молвилъ: а вотъ его косточки! Молодые чиновники хохотали. Карлъ Федоровичъ хотѣлъ было бѣситься, но уже не имѣлъ на то духу. Онъ вошелъ въ канцелярію, потупя голову, на цыпочкахъ, и проходя мимо Пѣвцова, превѣжливо ему поклонился, а Пѣтушкову даже отвѣсилъ низкій поклонъ. Когда

же Швернодеръ хотѣлъ взять его за руку, онъ отдернулъ ее, даже не посмотрѣлъ на него, и прошелъ тихомолкомъ въ комнату, гдѣ занимался дѣлами правитель канцеляріи.

— Господа! это что значить? сказалъ одинъ изъ чиновниковъ. — Карлъ Федоровичъ бьетъ челомъ передъ Пѣтушковымъ и Пѣвцовымъ! Да это чудеса!

— Видно, вѣтеръ перемѣнился, подхватилъ другой.

Когда Карлъ Федоровичъ возвращался чрезъ канцелярію изъ комнаты правителя, всѣ чиновники хохотали. Но экзекуторъ не поднялъ глазъ, и смиренно пробрался домой, ударивъ кулакомъ сторожа, который отперъ ему двери и не успѣлъ посторониться. У своихъ дверей онъ увидѣлъ домашнюю кошку, которая мяукала и проси-

лась въ комнаты. Карлъ Оедоровичъ схватилъ ее за шею и въ бѣшенствѣ тиснулъ за перила галереи. Вошедъ въ свою переднюю, онъ почти наткнулся на Искрина. Этотъ смѣшался; но Карлъ Оедоровичъ не спросилъ его даже, зачѣмъ онъ здѣсь, къ кому пришелъ въ его отсутствіи, а взявъ его за руку, потащилъ въ свой кабинетъ.

Карлъ Оедоровичъ бросился въ кресла, протянулся, задралъ голову и сталъ хлопать рѣсницами, какъ будто выжимая слезы изъ глазъ, потомъ съѣжился, и устремивъ быстрый взглядъ на Искрина, сказалъ жалобно: — Пѣтушковъ и Пѣвцовъ въ милости!

— Тѣмъ лучше, возразилъ Искринъ, который наконецъ пришелъ въ себя, думая сперва, что надъ нимъ разразится гроза. — Тѣмъ луч-

ше, примолвилъ онъ : — это люди добрые, честные, способные.

— Они меня ненавидятъ, они меня зарѣжутъ... сгонятъ со свѣта!... завопилъ Карлъ Ѳедоровичъ.

— Не бойтесь! отвѣчалъ Искринъ : русскій человѣкъ не мститель отъ природы. Въ первомъ жару онъ выбранить, готовъ приколотить... Но вы знаете русскую пословицу : лежачаго не бьютъ. Покорись — и русскій человѣкъ забылъ все прошлое!

— Какъ можно не сдѣлать зла врагу, когда есть къ тому случай и сила! сказалъ Карлъ Ѳедоровичъ.

— Зло дѣлаютъ только злые люди, а Пѣтушковъ и Пѣвцовъ люди добрые, отвѣчалъ Искринъ.

— Но ты не сказывалъ имъ о томъ, что было говорено между нами? спросилъ Карлъ Ѳедоровичъ.

— Я никогда не переношу дурныхъ вѣстей, а передаю людямъ только то, что можетъ ихъ порадовать, сказалъ Искринъ.

— Обними меня, другъ мой! сказалъ нѣжно Карлъ Федоровичъ: — и будь моимъ защитникомъ и спасителемъ!

Искринъ обнялъ своего начальника и сказалъ: — Какъ я могу защищать васъ... я самъ беззащитный!

— Но ты въ дружбѣ съ Пѣтушковымъ и Пѣвцовымъ?

— Да, они меня любятъ!

— Итакъ, ради Бога, внуши имъ, что я ихъ первый почитатель, что я всегда говорилъ объ нихъ хорошо князю, что я готовъ всѣмъ служить имъ...

Искринъ едва могъ удержаться отъ смѣха; но желая кончить поскорѣе эту непріятную сцену, онъ

обѣщаль все, что будетъ только угодно экзекутору.

— Любезный другъ, сказалъ Карлъ Федоровичъ: я убить, растерзанъ, боленъ тѣломъ и душою, и ни къ чему неспособенъ. Займись всѣмъ дѣломъ и присмотри чтобъ все было вычищено, выкрашено. Не знаю, кому князь поручить теперь свои комиссіи... Но ужъ я едва ли угожу ему! Ступай съ Богомъ, любезный другъ Александръ Андреевичъ, и займись дѣломъ! Ты человекъ умный, расторопный, честный... я всегда любилъ тебя... Карлъ Федоровичъ еще нѣсколько разъ обнялъ Искрина, и выпроводивъ изъ кабинета, заперся на ключъ. Для утѣшенія себя въ горѣ, онъ сталъ пересчитывать свои деньги и счета.

Въ газереѣ Искринъ встрѣтилъ Пѣтушкова, Пѣвцова и нѣсколько

чиновниковъ; всѣ они были веселы, шумѣли и хохотали.

— Поздравляй меня и его, сказалъ Пѣтушковъ: къ намъ проглянуло солнышко!

— Душевно радъ, отвѣчалъ Искринъ. Но что случилось съ моимъ Карломъ Федоровичемъ? Онъ тише воды, ниже травы!

— А мы у тебя хотѣли объ этомъ спросить, сказалъ Пѣвцовъ. Вообрази, что онъ даже отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ.

— Не считай это за честь, возразилъ одинъ изъ чиновниковъ: однажды, проходя по Невскому Проспекту, я увидѣлъ, что нашъ Карлъ Федоровичъ снялъ шляпу и низко поклонился каретѣ. Карета остановилась, Карлъ Федоровичъ подбѣжалъ къ дверцамъ, отперъ ихъ и выпустилъ пуделя! Я не могъ удержаться отъ смѣха. — Помилуйте, что

это за нѣжность съ пуделемъ, сказалъ я нашему Карлу Федоровичу, а онъ въ отвѣтъ: почему знать, братецъ, можетъ-быть хозяинъ кареты и пуделя смотритъ, откуда-нибудь, изъ-за угла или въ окно! Услужливость не мѣшаетъ!

— Да ужъ воля ваша, а съ Карломъ Федоровичемъ случилось что-нибудь необыкновенное, сказалъ Пѣвцовъ. Что онъ готовъ кланяться сапогу сильнаго человѣка, въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя. Но поклониться врагу!! О! это ужъ значитъ что-нибудь преважное!

— Видно, его порядочно пристукнули, такъ онъ и раскисъ, сказалъ Пѣтушковъ. Нашего брата брось, такъ выйдеть рикошетъ, по математическому закону, что уголъ впаденiя равенъ углу отраженiя; а ударъ объ полъ картофель — брызнетъ мякотью! Вотъ почему

на насъ отразилась *мягкость* Карла Федоровича. А между-тѣмъ, господа, просимъ, въ честь нашего повышения, позавтракать на нашъ счетъ!

— Вотъ это лучшій экстрактъ изъ дѣла! сказалъ одинъ чиновникъ — и всѣ они дружно и весело пошли въ трактиръ.

V.

ПРИВЪЗДЪ ВЪ СТОЛИЦУ ЛЮБИМЦА
СЧАСТЬЯ.

Здѣсь не мѣсто взвѣшивать заслуги князя Потемкина-Таврическаго, но во всякомъ случаѣ мы должны сказать, что полученныя имъ награды превышаютъ все, что когда либо частный человекъ приобрѣлъ отъ милости государя. Даже самые льстецы, восхвалявшіе князя Потемкина при жизни, истощивъ все свое краснорѣчіе на пре-

вознесеніе его мудрости, мужества, добродѣтелей и красоты, называли его «сыномъ и любимцемъ счастья». Слава Румянцова и Суворова меркла въ лучахъ счастья, озарявшаго своего любимца. Великая Екатерина, въ лицѣ князя Потемкина, награждала собственную свою мудрость въ дѣлахъ политики и государственнаго управленія и великіе подвиги своего дивнаго воинства. Князь Потемкинъ не управлялъ отдѣльно ни какою частью, но все было ему подчинено, и онъ имѣлъ право вездѣ приказывать и требовать отчета. Никто въ цѣлой Имперіи не осмѣливался ослушаться его. Богатство его было неисчерпаемо, потому-что онъ издерживалъ столько денегъ, сколько ему вздумалось, не отдавая никому отчета. Счастье или несчастье человѣка зависѣло отъ его слова, взгляда, прихоти...

Итакъ, мудроно ли, что вся Рос-
сія была въ волненіи, когда онъ
возвращался изъ Яссъ въ Петер-
бургъ, въ февралѣ 1791 года? Жи-
тели городовъ и селеній выходили
къ нему навстрѣчу, съ хлѣбомъ и
солью. Всѣ чиновники являлись къ
нему, какъ къ начальнику. Почет-
ные караулы ждали его на всѣхъ
ночлегахъ, и каждый день встрѣ-
чалъ курьеръ изъ Петербурга, чтобъ
спросить, отъ имени государыни,
о его здоровьѣ. Тысячи людей со-
гнаны были на московскую доро-
гу, для ея починки. Передъ Петер-
бургомъ, на нѣсколько верстъ, до-
рога была освѣщена и украшена
транспарантами. Князь Потемкинъ
прибылъ къ заставѣ вечеромъ 11-го
марта. Здѣсь встрѣтили его важ-
нѣйшіе государственные сановни-
ки и дежурный генерал-адъютантъ.
Свѣтлѣйшій пересѣлъ въ придвор-

ную раззолоченую карету, въ восемь лошадей, цугомъ, и сопровождаемый взводомъ кавалергардовъ и всѣми генералами, поѣхалъ въ Зимній Дворецъ, въ назначенныя для него комнаты; толпы народа стояли по обѣимъ сторонамъ улицъ и привѣтствовали его радостными восклицаніями. Въ комнатахъ встрѣтилъ князя Потемкина другой генерал-адъютантъ, поздравилъ отъ имени государыни съ благополучнымъ пріѣздомъ, и объявилъ, что Императрица желаетъ его принять на другое утро, въ торжественной аудіенціи.

На другое утро, едва свѣтлѣйшій проснулся, къ нему принесли, отъ имени Императрицы, полный гусарскій мундиръ, украшенный, вмѣсто шитья, крупными алмазами и оцѣненный въ шестьдесятъ тысячъ рублей, а на мелочные рас-

ходы доставлено сто тысячъ рублей золотомъ. Мы говоримъ о *тогдашнихъ* рубляхъ, что по нынѣшнимъ цѣнамъ составитъ болѣе полу-милльона рублей ассигнаціями. Въ одиннадцатъ часовъ утра князь Потемкинъ появился въ тронной залѣ, среди государственныхъ сановниковъ, придворныхъ чиновъ и дипломатическаго корпуса, допущенъ къ рукѣ Императрицы, и удостоился привѣтствія ея въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Екатерина назвала его «опорою русской славы!»

Возвратясь во внутреннія комнаты, государыня позволила князю Потемкину слѣдовать за собою, и призвала туда же графа Безбородко. Князь Потемкинъ возвратился изъ арміи въ Петербургъ для того только, чтобъ убѣдить государыню къ продолженію войны съ Турціею, вопреки желанію всѣхъ европей-

скихъ дворовъ, хотѣлъ изложить Императрицѣ положеніе дѣлъ и выгоды отъ войны; но государыня ласково прервала его и сказала:— Я хочу забыть на время всѣ дѣла, чтобъ заняться угощеніемъ моего дорогаго гостя, покорителя Измаила и Очакова!

Какъ ни лестенъ былъ пріемъ, сдѣланный князю Потемкину, какъ ни милостивы были слова государыни, но проницательный князь видѣлъ ясно, что партія, желавшая мира, превозмогла, и что его хотятъ усыпить увеселеніями. Онъ чувствовалъ уже, что всемогущество его нашло препону, и возвратясь въ свои комнаты, подвязалъ щеку платкомъ и сказалъ царедворцамъ, что у него болитъ *зубъ*, и что онъ до тѣхъ поръ не будетъ спокоенъ, пока не вырветъ этого

злаго зуба. Всѣ поняли намекъ на графа Зубова...

Вельможи и царедворцы недоумѣвали, которому солнцу кланяться, восходящему или заходящему, чувствуя, что уже воля князя Потемкина не есть общій законъ. Но постигнувъ намѣреніе государыни, увеселеніями и пирами отвлечь князя отъ дѣлъ, вельможи наперерывъ другъ передъ другомъ старались блеснуть роскошью и богатствомъ, въ угощеніи свѣтлѣйшаго, и въ Петербургѣ ничѣмъ не занимались, какъ только балами и пиршествами. Князь Потемкинъ хотя скучалъ этимъ невольнымъ разсѣяніемъ, но не могъ отказываться отъ приглашеній, потому-что снисхожденіемъ своимъ надѣялся составить себѣ сильную партію противъ челоуѣка, котораго онъ почиталъ своимъ со-вмѣстникомъ, и не хотѣлъ проти-

виться волѣ государыни, принимавшей участіе въ большей части праздниковъ, которые вельможи давали въ честь его. Между тѣмъ, хотя важныя дѣла государственныхъ шли своимъ обыкновеннымъ порядкомъ, но въ частностяхъ и въ канцелярскомъ производствѣ случились нѣкоторыя уклоненія, потому-что высшіе чиновники, озабоченные и измученные ежедневными увеселеніями, не могли внимательно наблюдать сами за всѣмъ, и должны были положиться на дѣлопроизводителей и секретарей. Для дѣльцовъ, интригантовъ и ростовщиковъ наступила обильная жатва. Купцы и подрядчики богатѣли, огромныя дворянскія имущества обременялись долгами. Ловкіе чиновники шагали быстро на высшія мѣста, подъячіе ныряли по карманамъ просителей. Этотъ порядокъ

дѣлъ продолжался около трехъ мѣсяцевъ сряду.

Князь Петръ Андреевичъ Камышенскій, увлеченный вихремъ свѣтскихъ наслажденій, не заботился о плутовствѣ своего эзекутора, имѣя въ немъ нужду. Деньги, взятые займы у откупщика, уже были издержаны, и онъ, послѣ рѣшенія дѣла въ его пользу, отказалъ въ новомъ займѣ. Надлежало снова прибѣгнуть къ эзекутору.

Карла Оедоровича Циттербейна бросило въ лихорадку, когда его позвали къ князю, чрезъ двѣ недѣли послѣ послѣдней сцены. Князь вскочилъ съ кресель, когда Карлъ Оедоровичъ вошелъ въ двери, и опершись руками на его плечи, сказалъ: — Спасай, братецъ... денегъ, денегъ!

— Ваше сіятельство! Я бѣдный,
Побѣда отъ Обѣда.

раззоренный человекъ, а теперь, кромѣ того, лишился всякаго кредита вашею немилостью! Откуда мнѣ взять денегъ?... Я ужъ пересталъ думать о всемъ земномъ, и готовлюсь къ смерти... Вы убили меня гнѣвомъ вашимъ, сіятельный князь!

— Полно вздоръ молоть! ска-
заль князь: я на тебя вовсе не гнѣ-
ваюсь... достань только денегъ!...

— Но откуда, ваше сіятельство?

— Изъ-подъ земли, изъ ада, изъ
глубины моря... Займи у чорта...
продай душу... но мнѣ нужны день-
ги, во что бы ни стало!...

— Ваше сіятельство! Всѣмъ из-
вѣстно, какъ вы обошлись со мною.
Не знаю, кто разсказалъ это въ
канцеляріи... вашъ ли камердинеръ
или какой-нибудь чиновникъ, ко-
торый въ это время вошелъ въ пе-

реднюю... но я обезчещенъ, лишенъ всякаго уваженія, не смѣю показать глазъ... теперь только и толковъ, что о свѣтлѣйшемъ князѣ Григоріи Александровичѣ Потемкинѣ, и тѣ, которые могутъ похвалиться тѣмъ, что были у него, что говорили съ нимъ, почтены и уважены. Еслибъ ваше сіятельство доставили мнѣ случай представиться свѣтлѣйшему, то ужъ я, хоть бы пришлось подлинно заложить душу, а досталъ бы сколько-нибудь.

— Менѣе пяти тысячъ рублей нельзя... а вотъ тебѣ рука моя, что ты представишься свѣтлѣйшему!

— А по скольку процентовъ въ мѣсяцъ, ваше сіятельство?

— Это ужъ твое дѣло! Давай что хочешь, только чтобъ были деньги

— Постараемся, ваше сіятельство!

— Ну, ступай, любезный, а я тебя награжу!... Ступай, ступай!

Карль Оедоровичъ, вышедъ въ сѣни, вздохнулъ свободно и спускаясь по лѣстницѣ, встрѣтилъ Пѣтушкова, Пѣвцова, Глазова, Перепеченку и Искрина, которые дружною толпою шли въ канцелярію. Экзекуторъ пріосамился, поднялъ голову, поправилъ треугольную шляпу и, взявшись лѣвою рукою за ефесъ своей шпаги, заступилъ имъ дорогу.

— Какъ вы смѣете отлучаться изъ канцеляріи въ часы, назначенные для работы? сказалъ Карль Оедоровичъ грозно. Чиновники съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга. За нѣсколько дней передъ симъ, экзекуторъ былъ такъ тихъ, смиренъ и низкопоклоненъ, и эта внезапная переменна удивила ихъ.

— Мы ходили взглянуть на сло-

на, котораго вели изъ новаго Таврическаго Сада на Вольтинскій Дворъ, сказалъ Искринъ.

— Какъ вы смѣете отлучаться, говорю я! Сей же часъ доложу князю! Пойдите, молодчики, я васъ проучу порядкомъ! Просидите у меня праздники въ пустой канцеляріи, подъ замкомъ!

— Потихе, потихе, Карлъ Теодоровичъ! Вы знаете, что имѣете дѣло съ секретаремъ начальника канцеляріи! сказалъ Пѣтушковъ.

— Сегодня секретарь, а завтра... что Богъ дастъ!!!... возразилъ экзекуторъ, съ злобною улыбкой.

— Кажется, вамъ не за что сердиться, примолвилъ Пѣвцовъ насмѣшливо: вѣдь когда вы намъ такъ вѣжливо кланялись, за нѣсколько дней предъ симъ, когда пришли въ канцелярію объявить наше пови-

шеніе, — мы также отвѣчали вамъ поклонами на поклонъ.

— Пойдите, согнетесь вы въ дугу! сказалъ съ гнѣвомъ экзекуторъ, Искринъ, ступай за мною! Сейчасъ же писать рапортъ!... Карлъ Федоровичъ пошелъ въ свою квартиру, ворча про себя: Вольнодумцы, бунтовщики, насмѣшники! Я васъ проучу!...

Въ своей квартирѣ онъ остановился нарочно въ столовой, возлѣ дверей своей золотки, и зная, что она принимаетъ участіе въ судьбѣ Искрина, сталъ бранить его громко, чтобъ она слышала, и страшать, что сгонить его съ мѣста, за нерадивость и связи съ дурными людьми. Искринъ, равно какъ и его товарищи, догадался, что экзекуторъ снова попалъ въ милость къ князю. Спорить и отвѣчать грубостью за грубость было бы не-

благоразумно, и потому Искринъ рѣшился промолчать. Но Наталія которая все слышала чрезъ двери, находясь въ комнатѣ своей тетки, горько плакала.

VI.

П Л А Н Ы И Н А Д Е Ж Д Ы Б Е З - Н А Д Е Ж Н А Г О .

Пообѣдавъ и отдохнувъ спокойно. Карлъ Федоровичъ вышелъ со двора, чтобъ достать денегъ для князя у знакомыхъ ростовщиковъ. Только въ послѣдней крайности, при совершенной невозможности обмануть какого-нибудь ростовщика надеждами на большіе проценты, Карлъ Федоровичъ рѣшился

дать собственные деньги, и то съ условіемъ, чтобъ ему позволено было выплачивать себѣ изъ экстренныхъ канцелярскихъ суммъ. Зная жадность ростовщиковъ, Карль Федоровичъ не сомнѣвался, что успеетъ провести хотя одного изъ нѣсколькихъ десятковъ. Въ то время ростовщиковъ было множество въ столицѣ, потому-что роскошь и пиры почитались принадлежностью знати, а мотовство необходимымъ качествомъ молодаго человѣка. Но за то счастливый, неожиданный случай доставлялъ нечаянно огромное состояніе, и всѣ оттого мотали, что надѣялись разбогатѣть или собственнымъ счастіемъ, или счастіемъ своихъ родныхъ. Племянничество (*pérotisme*) было тогда въ полной силѣ.⁴ Въ наше время, мы такъ взыскательны и такъ склонны къ порицанію, что каждое, да-

же незначительное злоупотребленіе, неизбежное въ человѣческомъ обществѣ, заставляетъ насъ вопить и жаловаться. А тогда, каждое мѣсто приносило извѣстные доходы. Дворянство то разорялось, то снова богатѣло, посредствомъ связей съ случайными людьми. Это была лоттерея! Но болѣе прочихъ богатѣли подъячье, ростовщики и откупщики, какъ мы уже намекнули, дѣлясь прибылями съ своими покровителями. Подъячье и ростовщики были то же въ обществѣ, что акулы въ морѣ — глотали съ жадностію всякую добычу, и жирѣли на счетъ другихъ.

Искринъ караулилъ за угломъ Карла Федоровича, и лишь только онъ вышелъ со двора, онъ побѣжалъ къ его дамамъ.

Наталья вскрикнула, увидѣвъ его. Онъ былъ блѣденъ, и лицо его выражало сильное безпокойство.

— Что съ тобою, другъ мой, Александръ Андреевичъ! сказала добрая Марья Прохоровна, осѣнивъ его крестомъ: не боленъ ли ты?

Наталья взяла его за руку и сказала нѣжно: — Мнѣ страшно, Александръ!

— Вы слышали, какъ обходится со мной Карлъ Федоровичъ! Только для тебя, для одной тебя, милая Наталья Карловна, переношу я это униженіе, всѣ эти несправедливости... Но, душа моя не можетъ долѣе выдержать... сердце разрывается на части, и на меня находить отчаяніе! Никогда онъ не согласится выдать тебя за меня замужъ... Отецъ твой обходится со мною, какъ съ какимъ-нибудь лакеемъ!.. Я не хочу болѣе служить подъ его начальствомъ... Да мнѣ и ждать нечего, вообще, въ штатской службѣ. Пойду въ военную! Весною откроет-

ся война съ Турками... или панъ или пропазь!...

— Ты хочешь моей смерти! сказала Наталья, со слезами на глазахъ.

— Нѣтъ, хочу отличиться, сдѣлаться достойнымъ руки твоей, и когда Богъ мнѣ поможетъ и сохранить, прїѣду свататься съ письмомъ свѣтлѣйшаго. Онъ любитъ храбрыхъ людей, и я, вмѣсто всѣхъ наградъ, выпрошу, чтобъ онъ былъ моимъ сватомъ... Наталья заплакала.

— Что съ тобою, Александръ Андреевичъ! возразила Марья Прохорова. Да развѣ ты забылъ, что матушка твоя запретила тебѣ вступать въ военную службу? Неужели не уважишь ея воли?

— Матушка не предвидѣла моей участи! Она боялась меня лишиться; но она уже на томъ свѣ-

тѣ, и чѣмъ скорѣе мы соединимся съ нею за могилою, тѣмъ лучше!

— Ты не любишь меня, Александръ! сказала Наталья, всхлипывая. Нѣтъ, ты не любишь меня! Еслибъ любилъ, ты вспомнилъ бы, что оставляешь меня!...

Искринъ цѣловалъ руки Натальи и Марьи Прохоровны, и самъ плакалъ.

— Но что мнѣ дѣлать! сказалъ онъ. У меня нѣтъ никакой надежды къ возвышенію, къ приобрѣтенію милости и покровительства какого-нибудь вельможи, а вы знаете, что при моей бѣдности, только этимъ можно приобрѣсть вниманіе Карла Федоровича. Вѣдь онъ потому только хотѣлъ выдать тебя, Наталья Карловна, за Швернодера, что онъ обѣдалъ однажды у князя Потемкина!

— Такъ неужели и тебѣ нельзя добиться до этого великаго блаженства? сказала Наталья.

— Помилуй, Наталья Карловна! Да какъ? чрезъ кого? за что? Вѣдь это величайшая честь, какой можетъ удостоиться чиновникъ! возвилъ Искринъ.

— Эхъ, другъ мой, Александръ Андреевичъ! Какъ тебѣ все кажется мудренымъ! Третьяго дня навѣстила меня старая пріятельница Акулина Ивановна: она рассказала мнѣ, что племянникъ ея, Костровъ, былъ позванъ къ обѣду свѣтлѣйшаго, за то только, что поднесъ ему переводъ какой-то книжицы!

— Бездѣлица! Переводъ Гомеровою Иліады! сказалъ горестно Искринъ.

— А тотъ-то стихотворецъ, о которомъ рассказывалъ покойный твой отецъ... какъ бишь его... ну тотъ, котораго свѣтлѣйшій возилъ съ собою на войну?... сказала Ма-

рья Прохоровна: вѣдь и онъ обѣдалъ за княжескимъ столомъ!

— Да это Петровъ, первый нашъ поэтъ! возразилъ Искринъ.

— А Гаврило Романовичъ Державинъ, котораго я знала еще, когда онъ былъ поручикомъ, примолвила Марья Прохоровна: смотри-ка, за стишки вышелъ въ люди, извѣстенъ самой государынѣ!

— Это геній! сказалъ Искринъ.

— И, полно, батюшка Александръ Андреевичъ! Не боги горшки лепятъ! возразила Марья Прохоровна. Ты намъ приносишь читать такіе хорошенькіе стишки, такъ неужели и самъ не сложишь!..

Наталья положила руку на плечо Искрину, и смотря на него нѣжно, примолвила: — Я увѣрена, что ты все сдѣлаешь прекрасно, за что ни возьмешься. Попробуй, другъ мой, Александръ!... не отчаявайся,

и по крайней мѣрѣ подожди и не торопись вступать въ военную службу. Торопиться нечего ... я готова ждать сколько тебѣ угодно, прибавила она съ милою улыбкою.

Искринъ задумался и вдругъ вскочилъ со стула, ударилъ себя рукою по лбу и сказалъ: — Женщины, женщины! Самъ Богъ надѣлилъ васъ неисповѣдимымъ чувствомъ проницанія и инстинктомъ дальновидности! Послушаюсь васъ и попробую! Прощайте, добрая Марья Прохоровна! Прощай, милая Наталья Карловна! Утопающей хватается, говорятъ, за бритву, а мнѣ, безнадежному, только и утѣшенія, что въ вашихъ надеждахъ ... Прощайте!

Искринъ выбѣжалъ поспѣшно на улицу, нанялъ извозчика и поспешилъ на Козье Болото, къ Глазову.

VI.

ВЗГЛЯДЪ ЗА КУЛИСЫ СЧАСТЬЯ.

Быть можетъ, и были такіе философы, которые не завидовали счастію князя Григорія Александровича Потемкина, но ужъ, вѣрно, не только вся Россія, но и вся Европа почитала его счастливѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Онъ пользовался всѣми возможными благами жизни. Ему тогда былъ пятьдесятъ первый годъ отъ рожденія,

но по виду онъ казался въ самомъ полномъ развитіи силъ. Здоровья онъ былъ крѣпкаго, желѣзнаго, и мужественная красота его лица соответствовала гигантскому росту. Слава, почести, богатства, могущество уже были его собственностью. Казалось, что ему нечего было желать болѣе. Императрица подарила ему новый дворецъ, построенный Ею близъ Смольнаго Монастыря, и прозвала Таврическимъ, въ вѣчное воспоминаніе героя, пріобрѣтшаго для Россіи Тавриду. Въ этомъ дворцѣ, убранномъ на счетъ государыни, съ величайшимъ великолѣпіемъ и вкусомъ, поселился Потемкинъ, и жилъ въ немъ по-царски. Сама государыня заставляла первыхъ вельможъ своихъ и царедворцевъ преклоняться предъ Потемкинымъ, спрашивая ихъ, при каждомъ свиданіи, были

ли они у таврическаго героя. Съ утра, въ обширныхъ залахъ Таврическаго Дворца было тѣсно отъ людей, прїѣзжавшихъ на поклонъ къ первому лицу въ государствѣ. Счастливъ былъ тотъ, на кого вельможа обращалъ вниманіе, а громогласное приглашеніе къ обѣду и на вечеръ почиталось настоящимъ блаженствомъ. Князь Потемкинъ всегда жилъ роскошно и великолѣпно, но прежнюю его роскошь можно было назвать бѣдностію, въ сравненіи съ нынѣшнею. Онъ показывался въ люди не иначе, какъ въ платьѣ, украшенномъ алмазами, шитомъ жемчугомъ, и всегда былъ окруженъ многочисленною свитою. Когда онъ выѣзжалъ верхомъ, то, въ подражаніе стариннымъ польскимъ магнатамъ, лошадь его и лошади его флигель-адъютантовъ подкованы были серебряными под-

ковами, нарочно слегка, чтобъ онѣ отпадали и доставались народу. Толпы народа кружились цѣлый день противу крыльца, чтобъ слушать музыку и смотрѣть на всю знать, а Потемкинъ велѣлъ бросать народу деньги и выкатывать бочки съ виномъ и пивомъ. Каждый вечеръ, въ семействахъ рассказывали что нибудь новое о Потемкинѣ, и оканчивали день загадкою: что-то будетъ завтра въ Таврическомъ Дворцѣ? Въ свободные часы, всѣ жители Петербурга имѣли одну прогулку, а именно, вокругъ жилища князя Потемкина. Издали смотрѣли на флагъ, развѣвавшійся надъ куполомъ дворца, въ знакъ, что князь дома и принимаетъ. Когда же онъ былъ отозванъ въ гости и флагъ снимался, толпы народа ожидали у крыльца его выѣзда и возвращенія. Князь Потемкинъ, ка-

забось, не могъ насытиться радостями и наслажденіями, жаждалъ ихъ, искалъ, и среди увеселеній выдумывалъ новыя забавы. Всѣ удивлялись этой странной жизни Потемкина и его непостижимой безпечности, во время столкнове- нія самыхъ сложныхъ политиче- скихъ событій, когда вся Европа противилась планамъ Россіи — но одна Екатерина Великая понимала Потемкина. Только она знала, что Потемкинъ не веселится, а ищетъ средствъ усыпить червя честолю- бія, грызущаго его сердце.

Князь Потемкинъ не имѣлъ въ жизни друга. Онъ сдѣлалъ много добра людямъ, многихъ облагодѣ- тельствовалъ, многихъ приковалъ выгодами къ своей судьбѣ, но ни- кого не привязалъ къ себѣ лю- бовью, потому, что сердце поку- пается только сердцемъ. Даже лю-

ди, облагодѣтельствованные имъ, боялись его, и признавая его благодѣянiя, предпочитали любить его заочно. Никто не смѣлъ быть съ нимъ откровененъ, будучи убѣжденъ, что онъ никому не вѣритъ и со всѣми неискрененъ. Князь Потемкинъ, по несчастiю, не видалъ человѣчества въ его природной простотѣ и нравственномъ здоровьѣ. Въ быстромъ переходѣ своемъ отъ ничтожества къ величiю, князь Потемкинъ долженъ былъ изучать человѣчество, такъ сказать, въ больницѣ неизлечимыхъ (*Hôpital des incurables*), зачумленныхъ честолюбiемъ, корыстолюбiемъ, гордостью, сластолюбiемъ и всѣми пороками интриги и искательства. Все гнулось передъ нимъ, и если кто либо дерзалъ противиться его могуществу, то единственно изъ совмѣстничества, и вооружался не

добродѣтелью, а интригою и коварствомъ. Онъ видѣлъ только двѣ крайности въ людяхъ: лесть и злобу, низость и упорство, и не могъ ни любить, ни уважать челоуѣчества. Сердце его кружилось въ свѣтѣ одиноко, какъ планета въ неизмѣримомъ пространствѣ, и обращалось только къ солнцу, отъ котораго заимствовало свѣтъ, теплоту и силу.

Бываютъ въ жизни минуты, въ которыя слава, могущество, богатство и всѣ блага земныя въ тягость челоуѣку. Въ эти минуты, челоуѣкъ отдалъ бы милліоны за одну слезу состраданія, за одинъ вздохъ соучастія, за одно искреннее слово! но безъ довѣренности, безъ любви къ людямъ, нѣтъ утѣшенія въ горестяхъ. Золото, драгоценные камни, почести, могущество не согрѣютъ сердца, когда

оно начинаетъ мерзнуть отъ пресыщенія земными благами...

Князь Потемкинъ уже пересытился ими. Одно желаніе еще оживляло его душу — и тутъ встрѣтилъ онъ препятствіе. Первое препятствіе послѣ всегдашнихъ, привычныхъ успѣховъ тѣмъ тяжеле, что одно мгновеніе разрушаетъ очарованіе цѣлой жизни. Князь томился скукою на балахъ, притворяясь веселымъ, отправлялся на пиршества, принуждая себя, и среди всѣхъ признаковъ величія и могущества чахнулъ душею, чувствуя, что онъ свѣтитъ только займственнымъ свѣтомъ, и что этотъ свѣтъ, хотя свѣтитъ еще, но уже не грѣетъ. Переговоривъ съ графомъ Безбородко, князь Потемкинъ заперся въ своихъ комнатахъ съ утра, и не велѣлъ впускать никого. Наступилъ вечеръ. Князь не призывалъ

никого, не спрашивалъ ничего, не выходилъ изъ своей комнаты. — Приближенные его сильно безпокоились. Докторъ ждалъ въ пріемной, вся дворня была на ногахъ, экипажи заложены. Но когда надежда уже вовсе померкнетъ, послѣдній лучъ ея, для спасенія несчастнаго отъ отчаянія, отражается на него изъ сердца женщины!

Потемкинъ болѣе всего въ мірѣ любилъ женщинъ, но онъ любилъ ихъ по-юпитеровски (*à la Jupiter*). Онъ уничтожалъ женщину, подобно Семелѣ, являясь во всемъ своемъ могуществѣ, или убивалъ золотымъ дождемъ, какъ Данаю. Домашнюю, внутреннюю свиту Потемкина составляли женщины. Иногда онѣ имѣли надъ нимъ необыкновенную силу, иногда были его рабынями. Все зависѣло отъ расположенія духа, отъ капризовъ князя.

Около семи часовъ вечера пріѣхала въ Таврической Дворецъ графиня Уральская, которую князь Потемкинъ называлъ другомъ; любя ея смѣлую, простодушную (паїве) бесѣду и непринужденную веселость. Графиня была молода и прекрасна. Родственная связь позволяла ей быть на короткой ногѣ съ княземъ. Узнавъ въ пріемной о его положеніи, она смѣло пошла во внутреннія комнаты. Никто не смѣлъ задерживать ее.

Князь Потемкинъ сидѣлъ за столомъ, и забавлялся, разбирая неоправленные драгоценные камни: алмазы, яхонты, изумруды, опалы, изъ которыхъ онъ раскладывалъ на столѣ разныя фигуры. Это было любимое его занятіе, въ часы досуга или бездѣйствія. Онъ поднялъ глаза, и увидѣвъ графиню, кивнулъ головою. — Извините, ваша свѣт-

лость, что я осмѣлилась нарушить ваше запрещеніе! Я испугалась, думая, что вы нездоровы...

— Я точно боленъ, и очень радъ, что ты навѣстила меня. Вотъ тебѣ за это! Держи платокъ!

— Помилуйте, князь! на что это!

— Держи платокъ, говорю я тебѣ!

Графиня должна была повиноваться, и князь смелъ рукою въ платокъ всѣ драгоцѣнные камни, тысячъ на пятьдесятъ рублей. Графиня хотѣла благодарить, но князь далъ знать, чтобъ она молчала, и указывая ей мѣсто, въ углу софы, сказалъ: садись!

— Если вы нездоровы, то не лучше ли посоветоваться съ докторомъ? Онъ здѣсь! сказала графиня.

— На мою болѣзнь есть въ мірѣ

одно лекарство, но оно уже мнѣ недоступно! отвѣчалъ князь, тяжело вздохнувъ. — Вотъ здѣсь болитъ, понимаешь! примолвилъ князь, указывая на сердце. Князь оперся локтями на столъ и закрылъ лицо руками.

— Вамъ ли грустить, князь? чего вамъ не достаетъ? Всѣ завидуютъ вашему счастью!

— То-то и худо, что завидуютъ! Зависть успѣла оклеветать меня! Распустили сперва слухи, что я хочу быть польскимъ королемъ; потомъ стали увѣрять, что я хочу завоевать Молдавію и Валахію для себя, и сдѣлаться независимымъ государемъ. Нашлись даже такіе, которые утверждаютъ, что я хочу выгнать Турокъ изъ Константинополя, и вѣнчаться греческимъ императоромъ! Какъ эти толки ни нелѣпы, однако жъ очевидно, что

не хотятъ продолжать войны съ Турками... что желаютъ мира... хотятъ отнять у меня армию... и въ какое время? тогда, какъ у меня все созрѣло, чтобъ нанести послѣдній ударъ дряхлой Портѣ, оглушенной паденіемъ Измаила и Очакова, ослабленной покореніемъ Крыма!... Теперь избѣгаютъ даже случая говорить объ этомъ, забываютъ все прошлое.

— Не забываютъ, князь, когда намѣрены при жизни вашей поставить вамъ памятникъ, предъ вашимъ дворцомъ. До того еще никто не дожилъ!

— Я не хочу этого и ни за что не соглашусь! Я просилъ, чтобъ въ память заслугъ моихъ положили, хотя простой камень, въ Царскомъ Селѣ, въ виду Чесменскаго памятника... мнѣ на это не отвѣчали...

Вижу, что мнѣ пора умирать!!...
Я скоро умру, другъ мой!...

Графиня прослезилась, приблизилась къ князю, и стала цѣловать руки своего родственника, говоря: — Вы приводите меня въ ужасъ! Вамъ еще долго жить, и вы должны жить для славы, для пользы Россіи!

— Ужъ я болѣе не могу ничего сдѣлать! сказалъ князь. — Я плохой исполнитель чужой воли. У меня для этого не достаетъ ни силъ, ни характера. Тогда только я могу дѣйствовать сильно и неумоимо, когда исполняю мой собственный вымыселъ, мою волю... я не го-жусь въ капралы!

— Но помните ли, князь, что говорилъ Безбородко? Недостатокъ въ деньгахъ, опасность со стороны Швеціи, дѣла польскія мѣшаютъ продолжать войну съ Турціей...

— Пустое! я бы все уладилъ! Голландцы дали бы мнѣ денегъ, со Шведомъ легко помириться, а Польша — трупъ; взвали на плечи, да и неси куда угодно... Не то, другъ мой, не то!... Меня ужь не надобно! Я слишкомъ высоко взлѣзъ... пора въ могилу!...

— Ради Бога, выбросьте эти мысли изъ головы! Это ужасно!...

— Ужасно умирать въ молодости, среди надеждъ и желаній — а мнѣ нечего болѣе желать и надѣяться. Я все испыталъ, всѣмъ пресытился и наконецъ все мнѣ опротивѣло... Пора, пора въ могилу!

— А мы, друзья ваши, ваши приверженцы, преданные вамъ душою, неужели не заслуживаемъ, чтобъ вы подумали объ насъ!... Я не переживу васъ! — Графиня заплакала, но князь не тронулся.

— Поплачешь и утѣшишься, сказалъ онъ хладнокровно.

— Я не заслужила такого презрѣнія! возразила графиня, всхлипывая.

— Ну, полно, не сердись! сказалъ князь, поцѣловавъ графиню въ лобъ: я люблю тебя и не забуду о тебѣ.

— Живите и наслаждайтесь славою и любовью облагодѣтельствованныхъ вами! Вамъ уже ничего не нужно болѣе, чтобъ быть счастливымъ!

— Ничего, кромѣ счастья! отвѣчалъ князь съ горькою улыбкой. Ты дитя, и не понимаешь, что такое счастье. Кто былъ первымъ и имѣлъ неограниченную волю, тотъ уже не можетъ быть счастливъ иначе...

— Но развѣ вы не первый, развѣ вамъ здѣсь не все повинуется?

Васъ честятъ здѣсь, какъ иностраннаго государя, пріѣхавшаго въ гости; всѣ вельможи въ вашей приемной...

— Другъ мой, ты не понимаешь, что это погребальный парадъ!... Но они не должны знать этого, эти черви! Гей! — Князь захопалъ въ ладоши, и явился камердинеръ. — Чтобъ ужинъ былъ готовъ на пятьдесятъ кувертовъ. Музыку, два хора пѣсенниковъ!... Вотъ на этомъ столикѣ списокъ, кого пригласить... Пошли сейчасъ курьеровъ... а мнѣ приготожь алмазный гусарскій мундиръ! Ты, другъ мой, примолвилъ князь, обращаясь къ графинѣ, поѣзжай домой и переодѣнься въ мой любимый алый цвѣтъ, который тебѣ такъ къ лицу... Прощай!

Поцѣловавъ графиню въ лице, онъ отпустилъ ее, и велѣлъ впустить всѣхъ ожидавшихъ его въ

приемной. Ввалилась цѣлая толпа, въ шитыхъ кафтанахъ, въ мундирахъ, и князь, развалясь на диванѣ, въ халатѣ принималъ привѣтствія, изъявленія благодарности или слушалъ просьбы, и казался необыкновенно веселымъ.

VII

О Д А.

Глазовъ лежалъ на кровати, окутавъ голову плащемъ, чтобъ не слышать шуму и стуку, потому-что хозяинъ его, слесарь, попеременно то колотилъ молотомъ по наковальнѣ, то пилилъ тупымъ терпугомъ такъ что эти нестройные звуки разогнали даже кошекъ съ кровли и собакъ со двора. Искринъ подошелъ къ кровати, и дернулъ Глазова за ногу. Этотъ открылъ лице,

Искринъ поздоровался съ нимъ, но онъ не могъ слышать словъ его. Глазовъ подозвалъ къ себѣ Искрина, и прокричалъ ему на ухо:— Если ты хочешь поговорить со мною, ступай къ хозяину и дай ему на водку. Онъ пойдетъ въ питейный домъ, и оставитъ насъ въ покоѣ. Искринъ такъ и сдѣлалъ. Слесарь, схвативъ гривенникъ, пустился, со всѣхъ ногъ, бѣжать изъ дому.

— Ну, что скажешь новаго? Что твой Карлъ Федоровичъ? Все еще на вершинѣ блаженства? сказалъ шутливо Глазовъ.

— Не въ томъ дѣло, братецъ! я пришелъ просить твоей помощи и совѣта. Я хочу писать стихи...

— Ну что жъ, въ добрый часъ, если тебѣ нечего дѣлать!... Вѣрно любовные?

— Нѣтъ! торжественную оду!

— Вотъ куда ты летишь! Кому же?

— Разумѣется, свѣтлѣйшему князю Потемкину... Кому же болѣе писать оды!... Пособи, другъ, дай совѣтъ, какъ начать, съ чего, и что сказать. Ужъ риѣмы-то подберемъ кое-какъ.

— Я долженъ тебя предупредить, что я вообще терпѣть не могу торжественныхъ одъ, не люблю даже одъ Ломоносова, а этого черстваго Петрова, который, то сжимается, то растягивается въ словахъ, для мѣры, хвалить безъ мѣры и раздувается, какъ индѣйскій пѣтухъ — этого хваленаго Петрова, я жестокой врагъ! Впрочемъ, по моему мнѣнію, это самый легкій родъ стихотвореній, если писать такъ, какъ у насъ пишутъ, потому здѣсь менѣе всего требуется здраваго смысла. Только бѣ громъло —

и довольно! Набери побольше звучныхъ словъ, сгони всѣхъ боговъ и полубоговъ съ Олимпа на барщину, выдумай нѣсколько гиперболь и чудовищныхъ картинъ — и на подножїи, составленномъ изъ всей этой нелѣпости, поставь твоего кумира, превыше облака ходячаго — вотъ-те и торжественная ода!

— Ты шутишь, а мнѣ не до шутокъ! мнѣ плакать хочется! Ты узнаешь все послѣ, а на первый случай скажу тебѣ, что я пишу по-неволѣ, и что это единственное, послѣднее средство къ моему спасенію! Пожалуйста, скажи, какъ мнѣ приняться за это дѣло?

— Начинай, разумѣется, словомъ: *Пою или зкукомъ лиры и тимпановъ* — это необходимое условіе торжественной оды, на русскій ладъ. Потомъ призови Аврору съ багряными перстами, да освѣтитъ

вселенную на торжество героя, и воскликни: *Ликуй, ликуй!* А приемами стучи, какъ въ барабанъ! Право, тутъ не надъ чѣмъ ломать головы! Но если ты хочешь написать что-нибудь порядочное, то совѣтую тебѣ, безъ обиняковъ, передѣлать какую-нибудь гораціанскую оду.

— Вотъ это было бы, кажется, лучше, сказалъ Искринъ, да ты знаешь, что я не понимаю по-латыни...

— Ну, въ этомъ я тебѣ пособлю. Скажи только, какъ ты хочешь изобразить своего героя. Разумѣется, что ты играешь роль бѣднаго поэта, слѣдовательно тебѣ нуженъ Меценатъ. Ну, вотъ тебѣ ода къ Меценату:

«Mecenas atavis edite regibus,
O et praesidium et dulce decus meum.

Тутъ была бы славная приема: *Меценатъ* и добродѣтелями богатъ...

Но бѣда въ томъ, что тебѣ нельзя такъ фамиляриться съ свѣтлѣйшимъ, какъ фамилярился Гораціи съ первымъ владыкою Рима и полусвѣта! Но вотъ ода, какъ будто нарочно для тебя написанная! — Глазовъ подошелъ къ полжѣ, связъ Горація, и развернувъ книгу, сталъ читать оду къ Августу :

«*Quem virum aut heroa lyra, vel acri
Tibia, sumis celebrare, Clio?
Quem Deum? cujus recinet jocosa
Nomen imago.*»

— Это, братецъ, чудесная ода. Поэтъ спрашиваетъ у музы, какого героя или полубога воспѣть ему и какимъ стихомъ. Перебираетъ всѣхъ боговъ Олимпа и всѣхъ героевъ Рима, и наконецъ, переходя къ Августу, превозноситъ его до небесъ, не прямо однако жъ, а въ молитвѣ къ Юпитеру, чтобъ Августъ не имѣлъ себѣ равнаго и

одинъ господствовалъ на землѣ. Вотъ что именно надобно свѣтлѣйшему и чего ему хочется: чтобъ не имѣть равнаго на землѣ; лучшаго содержанія для оды не выдумаешь, а вся сила въ томъ, чтобъ раздробить мысли въ стихи, разложить на строфы и завязать римами. Подожди-ка, я напишу тебѣ полное содержаніе тѣхъ строфъ, которыя ты долженъ передѣлать по своему, то-есть обрусить. Вѣрь, братецъ, что всѣ наши торжественные пѣвцы обвѣшаны гораціанскими и виргиліевскими лохмотьями!... Пока я буду писать, ты сходи, братъ, въ трактиръ и принеси мнѣ выпить и закусить чего-нибудь. Вотъ уже вечеръ, а я съ утра ничего во рту не имѣлъ. Въ карманахъ пусто, какъ въ головѣ торжественныхъ пѣвцовъ...

Искринъ пошелъ приготовить

ужинъ для голоднаго Глазова, а тотъ засѣлъ за работу.

Когда Искринъ возвратился съ ужиномъ для Глазова, планъ оды былъ уже готовъ.

— Знаешь ли, что мнѣ пришло въ голову, Никита Ѳедоровичъ! сказалъ Искринъ. Не лучше ли было бы, еслибъ я написалъ къ свѣтлѣйшему посланіе, въ родѣ стихотворенія Державина: *Къ Фелиць?*

— Сохрани тебя Богъ и помилуй! отвѣчалъ Глазовъ. Да тебѣ не будетъ мѣста на бѣломъ свѣтѣ! Вѣдь Державина чуть не заклевали! Что ты это, братецъ, въ своемъ ли умѣ? Знаешь ли, что въ цѣломъ мірѣ одной только *Екатеринѣ* можно сказать то, что высказалъ Державинъ! Она одна поняла его и оцѣнила! Это стихотвореніе есть жестокая сатира на современныхъ людей. Еслибъ государыня не защитила

Державина, онъ давно бы уже ловилъ соболей! Нѣтъ! братъ, не берись за это — сгибнешь, какъ муха. Свѣтлѣйшему надобны такіе поэты, какъ его Петровъ, котораго онъ водить за собою вездѣ, какъ доморощеннаго пегаса. Для курьёзу, я списалъ нѣсколько одъ его. — Глазовъ вынулъ изъ столоваго ящика тетрадь и сказалъ: Посмотри, братецъ, вотъ образецъ, какъ должно писать къ свѣтлѣйшему :

«Возстани, муза! пѣть достойтъ
Вождя возлюбленна тебѣ,
Кой тысячамъ блаженство строитъ,
Живъ поздно роду, не себѣ.»

Каково? а вотъ эти строфы напри-
мѣръ :

«Честить пѣвца троянской брани
Быль, пишутъ, Александра вкусъ:
Какъ сотъ Потемкина гортани
Твой стихъ, великій отче музъ.»

— Слышишь ли, стихи Гомера такъ сладки, какъ сотъ гортани

Потемкина, то есть, рѣчь его? А ужъ конецъ всему дѣлу вѣнецъ :

«Не тяжекъ праздныхъ словъ примѣсомъ,
Красотъ по слогѣ онъ (т. е. Потемкинъ) при-
мѣрь:

Когда бъ онъ не былъ Ахиллесомъ,
Всемирно былъ бы онъ Гомеръ.»

Видишь ли, еслибъ свѣтлѣйшій не былъ Ахиллесомъ, то былъ бы Гомеромъ! И это принимаютъ за правду, и за это награждаютъ! Вотъ, братецъ, тебѣ мѣрка... Ступай съ Богомъ!

Искринъ на другой день сказался больнымъ, заперся въ своей комнатѣ, работалъ трое сутокъ ежеминутно, безъ отдыха, посвящая едва нѣсколько часовъ сну, и на четвертыя сутки, вечеромъ, явился къ Глазову съ одою, въ двадцать двѣ строфы. Прочитавъ оду, Глазовъ сказалъ: — Превосходно! Громко, высокопарно и нелѣпо! Здѣсь есть

все, что требуется отъ торжественной оды: океанъ лжи и лести, капля правды, барабанный бой, трубные звуки до оглушенія, и здравый смыслъ — наизнанку... Искринъ обнялъ Глазова, и повторилъ просьбу о томъ, чтобъ онъ хранилъ молчаніе.

Два дня употребилъ Искринъ на то, чтобъ переписать оду узорчатымъ почеркомъ на большомъ александрійскомъ листѣ, и нарисовать лавровые и розовые вѣнки вокругъ. Во всѣ эти дни онъ даже не видался съ Натальей, однакожъ посылалъ къ ней записочки, чрезъ преданнаго ему канцелярскаго сторожа. Послѣдняя его записочка была слѣдующаго содержанія:

«Молись, другъ мой, Наташа! Завтра должна рѣшиться наша участь. Все готово!»

Свернувъ оду свою въ трубку,

Искринъ отправился въ Таврическій Дворецъ, въ восемь часовъ утра. Онъ приказалъ доложить о себѣ Василю Степановичу Попову и сказать, что онъ не проситель, а пришелъ благодарить за милости. По счастью, Поповъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и не занятъ важною работою, а потому велѣлъ допустить къ себѣ Искрина; но не могъ вспомнить, что онъ же доставилъ молодому человѣку мѣсто, и забылъ даже объ его фамиліи. Пріятный видъ и благородная фізіономія Искрина расположили Попова въ его пользу, и онъ съ удовольствіемъ слушалъ изъясненіе его благодарности. Наконецъ, замѣтивъ свитокъ, Василій Степановичъ спросилъ: — это что такое у тебя?

— Будьте отцемъ, благодѣтелемъ и заступникомъ моимъ, ваше

превосходительство, заставьте за себя вѣчно Бога молить! Благоволите представить этотъ мой трудъ свѣтлѣйшему! Это ода, моего сочиненія!

— Bravo! ты поэтъ... Посмотримъ! Василій Степановичъ развернулъ листъ и, полюбовавшись почеркомъ и рисункомъ, прочелъ нѣсколько строфъ и сказалъ: — очень не дурно!

— Отецъ мой палъ на полѣ битвы, подъ непосредственнымъ начальствомъ его свѣтлости, въ глазахъ его, какъ мнѣ говорили, — да позволено будетъ сыну прославить подвиги героя...

Василій Степановичъ прервалъ рѣчь Искрина: — Посмотримъ, посмотримъ! Поди въ пріемную, помѣстись гдѣ нибудь въ уголокъ, и жди меня, хотя бы до вечера. Я не знаю, когда свѣтлѣйшій позво-

веть меня, когда отпустить, можно ли будетъ представить ему твою оду, то - есть, будетъ ли онъ въ духѣ — словомъ, все зависитъ отъ счастья и случая. И мнѣ хочется помочь тебѣ, бѣдняку!

Искринъ, по тогдашнему обыкновению, поцѣловалъ въ руку превосходительнаго благодѣтеля, и пошелъ въ пріемную, читая въ умѣ молитвы.

Въ пріемной ждало множество народа: генералы, штабъ и оберъ-офицеры, служащіе и отставные, кто безъ ноги, кто безъ руки, множество женщинъ съ дѣтьми, гражданскіе чиновники, купцы, кто съ бумагою, кто со слезами на глазахъ. Зала была огромная, но въ ней не было, по тогдашнему обычаю, ни одного стула для просителей. Женщины и колѣнки сидѣли на окнахъ, а нѣкоторые даже на

полу. Прохаживаться по залѣ и говорить громко было запрещено.

Искринъ провелъ въ ожиданіи цѣлыхъ четыре часа. Наконецъ дверь изъ внутреннихъ комнатъ растворилась, и въ пріемную вошелъ Поповъ, въ полномъ мундирѣ. Всѣ встрепенулись; сердце у Искрина сильно забилося. Онъ выступилъ на три шага впередъ. Поповъ, окинувъ взоромъ собраніе, кивнулъ Искрину, чтобъ онъ къ нему приблизился.

— Поздравляю, братецъ! сказалъ Василій Степановичъ: — свѣтлѣйшій милостиво принялъ твою оду, и велѣлъ дать тебѣ... сто рублей!

— Благодарю покорнѣйше, ваше превосходительство, за милостивое предстательство, и почитаю себя счастливымъ, что трудъ мой принять благосклонно... Но осмѣли-

ваюсь доложить, что денегъ я не возьму!

— Въ своемъ ли ты умѣ, братецъ?... Но Поповъ не могъ продолжать своей рѣчи; въ это самое время дверь быстро отворилась, и изъ тѣхъ же внутреннихъ комнатъ показалась прелестная женская головка: это была графиня Уральская, которая сказала громко:—Василій Степановичъ, пожалуйста ко мнѣ! — и въ ту минуту, когда Поповъ хотѣлъ итти къ графинѣ, взоръ ея встрѣтился со взоромъ Искрина. Графиня, вмѣсто того, чтобъ ждать Василя Степановича, сама вышла къ нему въ залу, и значительно осмотрѣвъ, съ ногъ до головы, Искрина, спросила у Попова, по-тихоньку: — кто этотъ красавецъ?

— Поэтъ, ваше сіятельство! отвѣчалъ Поповъ.

— Я почти угадала!... у него

въ глазахъ пылаеть божественное
пламя... а чего онъ хочетъ?

— Онъ поднесъ свѣтлѣйшему
оду... Князь велѣлъ выдать ему сто
рублей; но онъ не хочетъ брать
денегъ!

— Прекрасно! — Подойдя къ Ис-
крину, графиня спросила его: — изъ
какого вы званія?

— Дворянинъ.

— Чего же вы желаете отъ
свѣтлѣйшаго?

— Я почелъ бы за величайшее
счастіе, еслибъ удостоился чести
обѣдать за столомъ его свѣтлости,
въ его присутствіи!

Графиня улыбнулась. — Я по-
стараюсь объ этомъ! Какъ васъ зо-
вуть? — Искринъ сказалъ ей имя,
отчество и прозваніе.

Графиня, казалось, находила осо-

бенное удовольствіе смотрѣть на Искрина и говорить съ нимъ. Но замѣтивъ, что на нее обращены всѣхъ взоры, она удалилась, давъ знакъ Попову, чтобъ онъ за нею слѣдовалъ въ другую комнату, и уходя сказала Искрину: — Ступайте домой и ждите отвѣта... я предстательница ваша у свѣтлѣйшаго! Надѣйтесь! — При этомъ словѣ графиня такъ взглянула на Искрина, что онъ не могъ выдержать ея взгляда, потушилъ взоръ и покраснѣлъ; потомъ низко поклонился и вышелъ.

Вечеромъ онъ нашелъ случай повидаться съ Марьею Прохоровною и Натальею, и рассказалъ имъ все, какъ было. Покровительство прекрасной графини не очень понравилось Натальѣ, и она нѣсколько надулась. Но Искринъ нѣжностью своею истребилъ сѣмена ревности,

и они разстались дружно. Искринъ не могъ уснуть всю ночь отъ безпокойства. Ничего нѣтъ хуже въ мірѣ, какъ ждать чего нибудь и надѣяться!

IX.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОБЪДУ ВЕЛЬМОЖИ, ХЛОПОТЫ И РЕЦЕТИЦІЯ ОБЪДА.

Прошло двое сутокъ отъ подачи оды, и бѣдный Искринъ находился въ лихорадочномъ состояніи, ожидая послѣдствій. Наталья облегчала его страданія своими ласками, а Глазовъ, повѣренный его тайны, утѣшалъ его надеждою, увѣряя, что ода должна нравиться, потому что

написана по всѣмъ правиламъ лести, громозвучія и нелѣпости, и что желаніе его исполнится непременно, потому что въ дѣло вмѣшалась женщина. На третій день, на канцелярской лѣстницѣ Искринъ встрѣтилъ ѣздоваго, въ придворной ливреѣ, который спросилъ его, гдѣ экзекуторскій помощникъ, коллежскій секретарь Искринъ. На отвѣтъ его, что это онъ самъ, ѣздовой вручилъ ему пакетъ. Дрожащими руками Искринъ распечаталъ бумагу и прочелъ слѣдующее: «свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ приглашаетъ губернскаго секретаря Искрина къ обѣденному столу, въ среду 22 апрѣля.» Подписалъ дежурный флигель-адъютантъ свѣтлѣйшаго. У Искрина въ глазахъ потемнѣло; онъ упалъ бы въ обморокъ, еслибъ не прислонился къ стѣнѣ и не испугался, въ

то же время, Карла Федоровича, котораго онъ завидѣлъ на верхней галереѣ. Отдавъ послѣдній серебряный рубль ѣздовому, Искринъ, съ пакетомъ въ рукахъ, сбѣжалъ внизъ, чтобъ скрыться отъ Карла Федоровича, который его не замѣтилъ, и спрятавшись за заборомъ, на дворѣ, далъ полную волю своей душѣ. Слезы текли у него градомъ, онъ плакалъ и молился.

Успокоившись, Искринъ пошелъ въ канцелярію, вызвалъ Глазова, объявилъ ему о счастливомъ успѣхѣ своего искательства, и снова просилъ совѣта. Вопросъ былъ важный. Дѣло шло о томъ: скрыть ли предъ всѣми приглашеніе свѣтлѣйшаго и объявить обо всемъ послѣ обѣда, или разгласить теперь? Глазовъ совѣтовалъ умолчать. — Карлъ Федоровичъ опять въ милости у князя, сказалъ онъ: — изъ зависти

эксекуторъ можетъ очернить тебя предъ княземъ и упросить, чтобъ онъ написалъ къ свѣтлѣйшему, что ты недостойнъ этой чести. Порази ихъ нечаянностью — это вѣрнѣе. Искринъ призналъ совѣтъ благо-разумнымъ.

— Но вотъ новая бѣда! сказалъ Искринъ: обѣдъ черезъ три дня, а у меня теперь вышли всѣ деньги — осталось дома едва нѣсколько рублей, между-тѣмъ мнѣ бы хотѣлось появиться къ свѣтлѣйшему въ приличной одеждѣ. Притомъ же я никогда не бывалъ въ кругу знатныхъ, и мнѣ хотѣлось бы посо-вѣтоваться съ кѣмънибудь, какъ вести себя ловче... Согласись, что страшное дѣло явиться между этими полубогами!... Надобно непременно открыть тайну мою третьему, который бы могъ мнѣ помочь и посо-вѣтовать...

— На все это лучше нашего Перепеченки никого и выдумать нельзя, сказалъ Глазовъ: этотъ хохоль сущій бѣсъ! Все знаетъ, вездѣ вотрется... а притомъ же, онъ провелъ молодость на барскомъ дворѣ, и насмотрѣлся всего вдоволь.

— Но можно ли ему повѣрить?

— Онъ не измѣнитъ, когда дѣло не касается до него, положительно. Я совѣтую тебѣ прибѣгнуть къ Перепеченкѣ.

Искринъ вызвалъ Перепеченку и показалъ ему приглашеніе къ обѣду, прося помощи и совѣта и обѣщая благодарность.

Перепеченко остолбенѣлъ, двадцать разъ прочелъ приглашеніе, взглянулъ на печать пакета, и осмотрѣвъ нѣсколько разъ Искрина съ ногъ до головы, сказалъ наконецъ, дрожащимъ голосомъ: — Какъ... вы (прежде онъ называлъ Искрина

ты)... будете обѣдать съ свѣтлѣйшимъ, Александръ Андреевичъ! Господи спаси и помилуй! Приказывайте... Я готовъ на все, что вамъ угодно!

— Во-первыхъ, прошу не называть меня *вы*, во-вторыхъ, достать денегъ взаймы, на приличную одежду, въ третьихъ дать совѣта, какъ вести себя между знатью, а въ четвертыхъ поклясться, что никому не скажешь о томъ, что я званъ обѣдать къ свѣтлѣйшему, сказалъ Искринъ.

— На все готовъ — но послѣднее обстоятельство немножко затруднительно... Вѣдь чтобъ достать денегъ, надобно сказать на что, — кто намъ дастъ денегъ такъ, с проста!

— Тому, кто дастъ денегъ, ты можешь сказать; но чтобъ изъ канцелярскихъ не зналъ никто!

— Клянусь! сказалъ торжественно

но Перепеченко, поднявъ руку, и примолвилъ: — итакъ пойдѣмъ же вмѣстѣ доставать денегъ — время дорого!

Перепеченко повелъ Искрина къ дворецкому графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, и дорогою разсказалъ, вкратцѣ, исторію чело-вѣка, съ которымъ должно имѣть дѣло. Иванъ Курченко былъ воль-ный малороссійскій казакъ, кото-раго графъ Кирилль Григорьевичъ зналъ въ молодости, и взялъ къ се-бѣ въ дворню, а потомъ, за расто-ропность, произвелъ въ дворецкіе. На немъ лежала обязанность заку-пать всѣ припасы къ столу и всѣ вещи на содержаніе дома. Курчен-ко составилъ себѣ огромное состоя-ніе, не обкрадывая, однако жъ, свое-го барина, но изъ однихъ подар-ковъ отъ подрядчиковъ и купцовъ, и процентами, давая деньги взаи-

мы имъ же, въ случаѣ нужды, и торгуя векселями раззоряющихся баричей. Двухъ своихъ племянниковъ помѣстилъ онъ въ службу, выхлопоталъ имъ дворянское свидѣтельство, и они уже были въ штаб-офицерскихъ чинахъ, прибавивъ къ своей фамиліи окончаніе *овъ*, по обычаю большей части малороссіянъ, оставляющихъ родину, и не принадлежащихъ къ извѣстнымъ фамиліямъ. Иванъ Курченко, какъ все старыя малороссіяне, былъ чрезвычайно набоженъ, необыкновенно грубъ въ обращеніи, и скупъ въ такой степени, какъ только можно быть скупымъ по-малороссійски. Вездѣ есть скупцы, но нигдѣ нѣтъ такихъ оригинальныхъ, такихъ самостоятельныхъ скупцовъ, какъ между малороссіянами, и они тѣмъ превосходиѣе, что весьма искусно умѣютъ скрывать свою ску-

ность и богатство, притворною бѣдностью. Они даже обманываютъ сами себя, и отъ привычки лгать, сами вѣрятъ, что на кучахъ золота умираютъ съ голода.

Иванъ Курченко жилъ въ домѣ графа Кирилла Григорьевича, своего господина (что нынѣ Воспитательный Домъ, у Полицейскаго Моста) въ трехъ комнатахъ, порядочно мебелированныхъ, потому ни квартира, ни мебели ему ничего не стоили. Но изъ бережливости онъ сидѣлъ дома въ малороссійскомъ зипунѣ, изъ домашняго холста. Перепеченко назвалъ его *батькою* по старому малороссійскому обычаю, и изложилъ причину своего прихода, то-есть просилъ помочь товарищу, ручаясь за его честность.

— Присядьте, присядьте! сказалъ Курченко, и обратясь къ Искрину, спросилъ: А гдѣ ваша вотчина?

— У меня нѣтъ вотчины, но я вышлачу вамъ изъ жалованья и изъ того, что мнѣ дастъ тетушка. Искринъ объявилъ обо всѣхъ своихъ доходахъ.

Старикъ покачалъ головою, поморщился и спросилъ: — а нѣтъ ли у васъ чего заложить? — Искринъ отвѣчалъ отрицательно.

Старикъ еще пуще сморщился. — Да какъ же мнѣ дать вамъ грошей, коли мнѣ не на что положиться!

Искринъ вынулъ изъ кармана приглашеніе къ обѣду свѣтлѣйшаго и сказалъ: — Вы можете спросить, подь присягою, у Перепеченки, что я никогда не занималъ денегъ, и теперь бы не прибѣгнулъ къ этому средству, еслибъ не эта бумага, отъ которой я ожидаю благодѣтельныхъ послѣдствій...

Старикъ взялъ бумагу, надѣлъ

очки, прочелъ и устремилъ недо-
вѣрчивые взоры на Искрина: — Обѣ-
дать къ свѣтлѣйшему! сказалъ онъ:
— а кто объ васъ говорилъ свѣт-
лѣйшему князю?

— Василій Степановичъ Поповъ
и графиня Уральская, отвѣчалъ
Искринъ.

— Ге, ге, ге! графиня Ураль-
ская, примолвилъ старикъ, лукаво
улыбаясь: Да этакъ можно далеко
уйти! А и много же вамъ надобно
денегъ?

— Я, право, и самъ не знаю:
только чтобъ одѣться пристойно!

— Такъ подите же, сейчасъ, къ
портному и въ лавки; примѣрьте
платье, шпагу, шляпу; и дайте мнѣ
знать, я пошлю своего чюловика
заплатить за все... хе, хе, хе, васъ
знаетъ графиня Уральская!

— Мнѣ надобно, кромѣ того, де-

сятка два рублевиковъ, на разныя мелочныя расходы.

— И это получите... справьтесь до вечера и приѣзжайте!

Искринъ отъ радости бросился на шею старику, а тотъ смотрѣлъ на него съ сатирическою улыбкою, повторяя безпрестанно: — Ге, ге! о, о! въ милости у графини Уральской! Да еще какой статный дѣтина! Выйдешь въ люди, выйдешь, сударикъ! — Съ Богомъ, ступай же за дѣломъ!...

Простившись со старикомъ, который далъ ему притомъ двадцать рублей серебромъ, подъ расписку, и поблагодаривъ душевно Перепеченку, Искринъ нанялъ извозчика; выбралъ все что нужно (тогда у портныхъ всегда были готовые шитые шелковые кафтаны), записалъ адреса портнаго и лавокъ, и отдалъ Перепеченкѣ, и велѣлъ ему

явиться завтра въ полдень. На вечеръ Искринъ побѣжалъ къ Натальѣ, и хотя Карлъ Федоровичъ былъ дома, но его пропустили чрезъ кухню, и Марья Прохоровна заперлась съ любовниками въ своей комнатѣ, напомнимъ имъ, что должно говорить шепотомъ.

Когда Искринъ показалъ дамамъ приглашеніе къ обѣду, онѣ были внѣ себя отъ радости: — А въ доказательство, что я никогда не сомнѣвалась въ твоёмъ успѣхѣ, сказала Наталья: вотъ тебѣ во что принарядиться! Она подала ему галстухъ, манишку и маншеты, изъ лучшаго батиста, вышитые ею и обложенные кружевами. Искринъ разцѣловалъ ручки Натальи и подарки, и рассказалъ, что онъ купилъ новую пару платья изъ палеваго гродетура, съ блестками, новую шапку, шляпу, шелковые чул-

ки... Наталья отъ радости прыгала и хлопала бѣленькими своими ручками.—Пожалуйста, покажись намъ въ шелковомъ нарядѣ, любезный Александръ!

— Непремѣнно — а между-тѣмъ надобно бѣжать отсюда, чтобъ не поймалъ Карлъ Федоровичъ! Прощайте! — Онъ побѣжалъ домой, думая выспаться порядочно, послѣ нѣсколькихъ дней безпокойства; но не тутъ-то было. Радость, мечты и надежды не давали ему уснуть, и онъ задремалъ уже утромъ. Стукъ у дверей разбудилъ его. Онъ отперъ, и вошелъ Перепеченко съ незнакомымъ ему человѣкомъ. — Неужели ты спишь до сихъ поръ? спросилъ Перепеченко.

— Да я только заснулъ утромъ!

— Но вѣдь уже двѣнадцать часовъ по полуночи!

— Ахти! воспалился — а мнѣ надобно быть у нашего пріятеля.

— Ничего, поспѣешь, сказалъ Перепеченко: а вотъ надобно рѣшить другое важное дѣло! Честь имѣю рекомендовать моего благопріятеля Хфедора Ахфанасьевича (то есть Федора Афанасьевича) Палкина, отставнаго гоф-фурьера!

Искринъ, взглянувъ на Палкина, по пурпуровому носу его догадался о причинѣ отставки. — Милости просимъ присѣсть, господа, сказалъ Искринъ: а я тотчасъ одѣнусь, за перегородкою.

Когда Искринъ вышелъ одѣтый, Перепеченко сказалъ: — Я упросилъ Хфедора Ахфанасьевича показать вамъ всѣ штуки барской церемоніи, которой онъ присмотрѣлся въ теченіе многихъ годовъ. Но для этого намъ должно пообѣдать вмѣстѣ.

— Очень радъ! отвѣчалъ Искринъ. въ которомъ часу вы свободны?

— Для обѣда во всякое время, хоть бы четырежды въ сутки, сказалъ Палкинъ.

— Итакъ назначьте часъ, и выберите трактиръ.

— Не угодно ли сегодня въ два часа, въ трактирѣ: *Веселые Острова*, за Аничковымъ Мостомъ? сказалъ Палкинъ: — прекрасный трактиръ, чудесная настойка!

— Явлюсь непременно; теперь позвольте мнѣ отправиться по дѣламъ, примолвилъ Искринъ: — старикъ ждетъ меня, сказалъ онъ Перепеченкѣ.

Курченко точно ждалъ Искрина съ полнымъ нарядомъ. Старый дворецкій былъ глубокой политикъ, посмотрѣвши на своемъ вѣку на ходъ дѣлъ и на прихотливую игру

счастья. Ростъ, красота лица Искрина, юность, скромность и благородные его приемы предвѣщали многое, при покровительствѣ знатныхъ дамъ, и Курченко охотно рѣшился помочь ему, въ надеждѣ на его будущую блистательную участь. На счетъ честности Искрина Курченко вѣрилъ Перепеченкѣ, зная, что онъ не *смѣетъ* обмануть его, завися отъ него въ половинѣ своего существованія. Итакъ Курченко отдалъ Искрину платье, шапку, шляпу, башмаки, шелковые чулки, страсовыя пряжки, заставилъ его подписать расписку въ полученіи денегъ, что все это стоило, во включеніемъ процентовъ, — впередъ за три мѣсяца, и благословилъ его на обѣдъ свѣтлѣйшаго.

Отвезя домой узелъ, Искринъ пошелъ въ трактиръ, гдѣ ждали

его Перепеченко съ пріятелемъ своимъ.

Столъ былъ уже накрытъ въ особой комнатѣ, на три куверта, передъ стѣннымъ зеркаломъ. Послѣ первыхъ привѣтствій Палкинъ сказалъ Искрину:

— Я насмотрѣлся, вдоволь, на людей большаго свѣта. На нихъ много клевету понапрасну; это самые снисходительные люди! Они знать не хотятъ ни о твоей нравственности, ни о твоёмъ умѣ, ни о твоихъ правилахъ. Дѣлай только удобное имъ: не заступай имъ дороги, придакивай, прислуживайся — а тамъ дѣлай себѣ что угодно. Но если ты попадешь въ ихъ общество, старайся объ одномъ, а именно, чтобъ не показаться смѣшнымъ... Ужъ какъ возьмутъ тебя на зубокъ, то будь ты семи пядей во лбу — прослывши дуракомъ, и

пропалъ! И такъ вы, Александръ Андреевичъ, должны себя вести такъ, чтобъ въ васъ не замѣтно было ни какой странности. Въ нашемъ быту, войдя въ комнату, кланяются на всѣ стороны, но въ барскомъ обществѣ не такъ. Какъ вы не гости, но званый изъ милости, то васъ представлять свѣтлѣйшему; поклонитесь ему и займите скромное мѣстечко у стѣны или у окна, и кланяйтесь легонько тому только изъ знакомыхъ господъ, который подойдетъ къ вамъ близко и взглянетъ на васъ. За столомъ, если вамъ не укажутъ мѣста, садитесь на концѣ, между самыми младшими. Когда станутъ разносить водку, вамъ, по молодости, не прилично кушать ее — а мы съ Перепеченкой такъ тяпнемъ порядочную красулю, не правда ли?

Падкинъ въ самомъ дѣлѣ налилъ

почти полный стаканъ настойки, и выпилъ заразъ. Между тѣмъ внесли супъ, уже разлитый въ тарелки, и Палкинъ пригласилъ Искрина сѣсть по срединѣ, сказавъ: Каждое дѣло мастера боится, и въ каждомъ дѣлѣ потребна опытность, которой нельзя достигнуть иначе, какъ частымъ повтореніемъ, или, какъ говорятъ господа, репетиціей. Итакъ начнемъ репетицію обѣда!

Сѣвъ за столъ, Искринъ взялъ ножъ, и хотѣлъ-было отрѣзать себѣ кусокъ хлѣба, но Палкинъ командовалъ громко:— Отставь! не такъ! за барскимъ столомъ хлѣба не рѣжутъ, а ломаютъ его, почти непримѣтно. Искринъ повиновался. Подали мясо; Искрину понравился жирный кусокъ посреди блюда, и онъ направилъ на него вилку, но Палкинъ еще громче командовалъ: Отставь!... Извольте брать съ краю.

Вы должны предполагать, что здѣсь все хорошо — выбору нѣтъ. Подали вино.— Вотъ особенный казусъ, сказалъ Палкинъ: — поступайте какъ я говорю, а не такъ, какъ я дѣлаю; я не могу пить вина рюмками и прихлебывать, а пью стаканомъ и однимъ махомъ; но вы должны пить первую половину рюмки прихлебывая, а уже вторую половину можете вытянуть, жотя бы и духомъ, но все-таки полегоньку. Отъ крѣкихъ винъ, которыя станутъ разносить, вамъ, какъ молодому человѣку, слѣдуетъ отказываться. Что вы изволите оглядываться и поднимать голову? Отставъ, отставъ! Вы, сударь, не собесѣдникъ на шире, а почти то же, что муха на блюдѣ; извольте смотрѣть въ свою тарелку, когда кушаете, а откушавъ, поглядывайте на гостей

скромно, какъ красна дѣвица на сговорѣ...

Палкинъ, по мѣрѣ того, какъ осушалъ бутылки, болѣе горячился командовать *отставь*, и наконецъ такъ наскучилъ Искрину, что этотъ прервалъ быстро репетицію, вставъ съ мѣста и сказавъ, что онъ долженъ быть въ этомъ часу по важному дѣлу, у важнаго человѣка, просилъ Палкина и Перепеченку кончать обѣдъ безъ него и, заплативъ за все, вышелъ. Искринъ согласился на эту репетицію обѣда не столько для изученія этикета, сколько для того, чтобъ угостить Перепеченку, за его усердіе. Отдѣлавшись отъ этой скучной бесѣды, Искринъ пошелъ домой, полюбоваться новымъ своимъ нарядомъ. Кого изъ насъ, въ юности, не радовала обновка, особенно когда съ нею сопряжены были какія нибудь

надежды, какая-нибудь идея? А не вся ли юность состоитъ изъ надеждъ и различныхъ идей о счастѣ! Блаженное время!

— Пустой человекъ твой пріятель! сказалъ Палкинъ Перепеченкѣ, когда Искринъ вышелъ за двери. Разсѣянъ, не знаетъ толку ни въ винѣ, ни въ водкѣ, и не умѣетъ пользоваться своею красотою и природною ловкостью... Будь я на его мѣстѣ, я бы купался въ мадерѣ! Высшаго блага Палкинъ не могъ себѣ представить, какъ плаванье въ винѣ!

— У всякаго свой вкусъ, братецъ! отвѣчалъ Перепеченко, который долженъ былъ запить водою послѣдній кусокъ, потому что все репетиціонное вино выпилъ учитель этикета или, какъ говорилъ Перепеченко, барской церемоніи.

Х.

ЗАРЯ СЧАСТЬЯ НА БЛЮДЪ.

Искринъ нанялъ коляску и, въ часъ по полудни, отправился въ Таврической Дворецъ. Сердце его сильно билось, голова кружилась отъ мечтаній. Поворачивая въ улицу, неподалеку отъ дворца, Искринъ увидѣлъ Глазова, выходящаго изъ мелочной лавочки, и приказалъ кучеру остановиться.

Глазовъ покачалъ головою, взгля-

нувъ на Искрина. — Да ты, братецъ, рожденъ каммергеромъ! сказалъ онъ: — Какъ разряженъ! какой молодець! Ну, право, я влюбился бы въ тебя, еслибъ былъ дѣвицей!

— А какъ ты попалъ въ эту даль? спросилъ Искринъ.

— Ты ѣдешь лакомиться за барскимъ столомъ, а я лакомился здѣсь, по своему. Эта лавочка, братецъ, знаменита между всѣми поклонниками Бахуса, отличною севрюжиною, имѣющею свойство гасить внутренній жаръ и возбуждать жажду... Глазовъ захохоталъ.

— Ахъ, братецъ, какъ тебѣ не стыдно... съ твоими познаніями, съ твоими дарованіями, съ твоею благородною душею!

— Надобно забываться, надобно быть скотомъ, чтобъ не чувствовать достоинства человѣка!... от-

вѣчалъ Глазовъ, надѣлъ шляпу на бекрень, закричалъ кучеру Искрина: — пошелъ! и посвистывая громко волжскую пѣсню, отпра-вился въ трактиръ. Искринъ тяжело вздохнулъ. Ему жаль было добраго и умнаго Глазова. Искринъ велѣлъ остановиться кучеру въ отдаленіи отъ подъѣзда, и пошелъ пѣшкомъ въ комнаты, занимаемыя Васи-ліемъ Степановичемъ Поповымъ. Онъ встрѣтилъ Искрина ласково, велѣлъ подождать, пока самъ одѣ-нется, и когда ударило два часа, повелъ его въ парадныя комнаты.

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ лежалъ на софѣ въ вен-герскомъ полукафтанѣ, съ золо-тыми шнурами. Возлѣ него сидѣло въ креслахъ нѣсколько дамъ и ме-жду ними графиня Уральская, нѣ-сколько генераловъ, вельможъ и придворныхъ стояли въ отдаленіи,

въ полной формѣ, въ лентахъ. Только одинъ графъ Безбородко сидѣлъ рядомъ съ дамами.

Василій Степановичъ Поповъ подвел Искрина къ свѣтлѣйшему и сказалъ: — это сочинитель оды! Князь кивнулъ головою, и не сказалъ ни слова. Искринъ поклонился, по всѣмъ правиламъ танцевальнаго искусства, отошелъ въ сторону и помѣстился съ вельможами. Взоръ графини Уральской радостно встрѣтилъ его и преслѣдовалъ до мѣста. Можно было догадаться по лицу ея, что она была довольна.

Доложили, что кушанье подано. Свѣтлѣйшій всталъ съ дивана, потянулся, зѣвнулъ, взялъ подъ руки двухъ дамъ, и пошелъ, медленно, въ столовую.

Я не стану описывать обѣда князя Потемкина: это было бы излишнимъ. Державинъ превосходно ха-

рактизовалъ эту неслыханную роскошь и прихоть вкуса:

« Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и золото и серебро;
Восточный, Западный, сѣдые океаны,
Тряся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Украйна, Холмогоръ несли тельцовъ и дичь;
Вѣчанна классами хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ ковшицу Тавръ;
Рифей, нагнувшись, въ топазны, аметистны
Лилъ кубки медь златой, дровъ искрометный
сокъ.

— Ну, какъ тебѣ нравится мой новый поваръ? спросилъ свѣтлѣйшій у любимца своего, генерал-майора и флигель адъютанта Ея Величества Василя Ивановича Левашева: Его прислалъ мнѣ, какъ диво, польскій король.

— Превосходный поваръ, мастеръ мастеровъ! сказалъ Левашевъ.

— Но вы сами ничего не кушаете, князь! сказала графиня Уральская, взглянувъ съ нѣжнымъ участіемъ

на свѣтлѣйшаго, который, развалясь въ креслахъ, то зѣвалъ, то посматривалъ на потолокъ.

— Я не люблю этой химіи, отвѣчалъ князь. Знаешь ли, чего бы я поѣлъ охотно? примолвилъ онъ, обращаясь къ своему метр-д'отелю: хорошей севрюжины! Нѣтъ ли у тебя?

— Ваша свѣтлость! теперь не пора на эту рыбу... хорошей невозможно достать... да ея и не сохраняютъ, потому, что господа во все не употребляютъ ея...

— Дуракъ ты, братецъ, съ твоими господами! сказалъ свѣтлѣйшій, улыбаясь: будто они знаютъ наше хорошее! Вѣдь они только ногами держатся на русской землѣ — а всѣмъ тѣломъ и душою — во Франціи! Какой ананасъ сравнится съ нашею квашеною капустою? А соленая севрюжина!... да

это чудо! Подай мнѣ миску сырой капусты и севрюжины!

— Ваша свѣтлость, извините великодушно! сказалъ метр-д'отель: капуста есть, а севрюжины невозможно достать!...

— А я бы далъ Богъ вѣсть что за кусокъ севрюжины! сказалъ Потемкинъ.

Искринъ преодолѣлъ свою робость и сказалъ: если вашей свѣтлости угодно, я черезъ десять минутъ доставлю вамъ севрюжины, какой лучше нѣтъ и не бывало въ Петербургѣ!

— Одолжишь, братецъ; одолжишь навѣки! Бѣги скорѣе — лети! сказалъ Потемкинъ.

Искринъ вскочилъ изъ-за стола, и стремглавъ побѣжалъ въ переднюю, схватилъ серебряное блюдо, сѣлъ въ свою коляску, и погналъ

въ ту лавочку, при которой встрѣтилъ Глазова.

Въ отсутствіи Искрина, свѣтлѣйшій князь спросилъ у гостей: — Что это за человѣкъ? Наружность его мнѣ нравится.

— Это сочинитель оды, которую вы велѣли мнѣ прочесть вамъ, сказала графиня Уральская.

— Стихи, кажется, не дурны, а?... примолвилъ свѣтлѣйшій.

— Прекрасные, плавные, ровные, сказала графиня.

— А изъ какихъ онъ? спросилъ князь.

— Изъ природныхъ дворянъ, отвѣчала графиня.

— Онъ сынъ офицера, убитаго, подъ начальствомъ вашей свѣтлости, въ прошлую войну, сказалъ Поповъ: когда ваша свѣтлость изволили переправиться, на паромахъ, чрезъ Дунай и взяли городъ Цым-

бру, 5 мая 1771 года, отецъ его первый бросился на турецкую батарею, и погибъ на ней.

— Помню, очень помню! сказалъ свѣтлѣйшій: это былъ хорошій офицеръ... онъ еще былъ живъ, когда я прѣхалъ на взятую батарею, и я помню его прощаніе... Безъ него я не взялъ бы города... а дѣло было славное! Надобно, братецъ, сдѣлать что нибудь для сына... примолвилъ князь, обращаясь къ Попову.

— Онъ, по моей рекомендаціи, опредѣленъ на мѣсто, отвѣчалъ Поповъ.

— Лучше взялъ бы ты его къ себѣ...

Въ это время явился Искринъ съ блюдомъ севрюжины, и поднесъ свѣтлѣйшему. Потемкинъ покраснѣлъ отъ удовольствія, и долго любовался севрюжиною, которой за-

нахъ заставилъ поморщиться дамъ. Потомъ, обратясь къ Искрину, сказалъ:

— Что ты видишь на этомъ блюдѣ?

Искринъ смѣшался, и не зналъ что отвѣчать: рыбу, примолвилъ онъ, запинаясь.

— Рыба рыбой — а я такъ вижу варю твоего счастья. Я зналъ твоего отца, храбраго, достойнаго офицера — и не забуду тебя!

Искринъ поцѣловалъ руку свѣтлѣйшаго, и сѣлъ на свое мѣсто.

Свѣтлѣйшій скушалъ два кусочка севрюжины, величиною въ орѣхъ, поморщился, велѣлъ снять блюдо со стола, и сказалъ: прекрасно, превкусно!

Обѣдъ кончился, и собесѣдники перешли въ залу, гдѣ разносили кофе и ликеры. Свѣтлѣйшій снова

прилежъ на софѣ, и просилъ дамъ сѣсть близь него.

Въ это время дежурный флигель-адъютантъ доложилъ свѣтлѣйшему, что прибылъ чиновникъ отъ князя Камышенскаго и объявилъ, что имѣеть повелѣніе вручить лично пакетъ свѣтлѣйшему.

— Пусть войдетъ! сказалъ свѣтлѣйшій.

Явилась лягушечья фигура, на дроздовыхъ ножкахъ, и начала кланяться отъ порога, подвигаясь медленно впередъ. Самъ князь не могъ скрыть улыбки, и дамы закрылись платками. Это былъ Карлъ Оедоровичъ Циттербейнъ! Онъ скользилъ по паркету, согнувшись, высунувъ руку съ пакетомъ, и вдругъ, поднявъ глаза, увидѣлъ Искрина, стоявшаго съ чашкою кофе, у изголовья князя Потемкина. Карла Оедоровича бросило въ дрожь; онъ

отступилъ на шагъ и чуть не упалъ. Голова его закружилась.

— Слومي печать и читай! сказалъ свѣтлѣйшій Карлу Ѳедоровичу.

Онъ сломалъ печать, добылъ очки изъ кармана, надѣлъ на носъ, поклонился князю, и очки упали на полъ. Поднимая очки, Карлъ Ѳедоровичъ уронилъ шляпу; потомъ, поднимая шляпу, уронилъ пакетъ, наконецъ кое-какъ справился, развернулъ бумагу, хотѣлъ читать, взглянулъ на Искрина, снова смѣшался, и сталъ читать заикаясь: по прр... по пр... и закашлялся.

— Возьми, братецъ, бумагу и прочти мнѣ! сказалъ свѣтлѣйшій, обращаясь къ Искрину. А ты убирайся туда, откуда пришелъ! примолвилъ князь, взглянувъ сурово на Циттербейна. — Поповъ! напиши къ князю Камышенскому, чтобъ

онъ не присылалъ ко мнѣ, впередъ, такихъ дураковъ!

Искринъ громко и внятно прочелъ донесеніе Камышенскаго о томъ, что покровительствуемый свѣтлѣйшимъ человѣкъ допущенъ къ подрядамъ, безъ залога, на слово покровителя. Свѣтлѣйшій сказалъ Искрину: Такой же мастеръ читать, какъ и писать! Я беру тебя къ моей особѣ; теперь ступай домой, а завтра явись къ Попову!

Между тѣмъ Циттербейнъ, какъ громомъ пораженный, едва добрался до крыльца, и повалился безъ чувствъ. Лакеи и казачки свѣтлѣйшаго окатили его холодною водою, съ головы до ногъ, съ хохотомъ посадили мокраго на дрожки, и отправили домой... Карлъ Федоровичъ слегъ немедленно въ постелю, и послалъ за докторомъ и за пасторомъ, собираясь умирать.

XI.

Ура! побѣда отъ обѣда!

На другой день въ канцеляріи разнеслось извѣстіе, что Искринъ обѣдалъ у свѣтлѣйшаго, и произвело различные толки, возмутило различныя страсти. Нѣкоторые изъ мелкихъ чиновниковъ и друзья Искрина радовались, что человѣкъ изъ ихъ круга удостоился такой великой почести; иныхъ мучила зависть, и они громко начали взвѣшивать достоинства счастливца

и отыскивать въ немъ пятна. Другіе вовсе не хотѣли вѣрить этому извѣстію. Оно казалось невѣроятнымъ и преувеличеннымъ!

Искринъ въ тотъ же вечеръ извѣстилъ Наталью записочкой о ласковомъ приѣмѣ свѣтлѣйшаго, о его обѣщаніи и о своей надеждѣ. Сердце бѣдной Натальи раздиралось горестью о болѣзни ея отца, и не могло быть недоступно радости о счастьѣ милаго ей человѣка: она едва могла выдержать такое положеніе. Прошло еще двое сутокъ. Искринъ не являлся въ канцеляріи, а Карлъ Федоровичъ все лежалъ въ постели, охалъ, не принималъ никакого лекарства, не хотѣлъ никого видѣть, и питался однимъ габерсупомъ. Наталья и Марья Прохорова часто подходили, на цыпочкахъ, къ дверямъ его комнаты, и слышали, что онъ стоналъ и

охадь, произнося имя Искрина, и толкуя про себя объ обѣдѣ у свѣтлѣйшаго.

На четвертый день отъ этого происшествія, въ квартиру Карла Федоровича явился чиновникъ отъ князя Камышенскаго, и объявилъ Марьѣ Прохоровнѣ и Натальѣ, что онъ долженъ непременно переговорить съ больнымъ. Карлъ Федоровичъ, послѣ долгаго сопротивленія, наконецъ допустилъ его къ себѣ.

— Князь желаетъ непременно поговорить съ вами лично, сказалъ чиновникъ.

— Помилуйте, въ моемъ положеніи! воскликнулъ жалостно Карлъ Федоровичъ: я готовлюсь предстать предъ моего Создателя, и уже распрощался съ землею!...

— Князь, любя васъ, хочетъ

имѣть удовольствіе объявить вамъ лично пріятныя новости.

— Пріятныя новости!... для меня!... вскричалъ Карлъ Ѳедоровичъ, быстро поднявшись на постели, отъ кого?... какія новости?...

— Отъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина и отъ самого князя... а что такое — мнѣ не извѣстно, отвѣчалъ чиновникъ.

— Отъ свѣтлѣйшаго! сказалъ Карлъ Ѳедоровичъ жалобно, закрывъ лице одѣяломъ: чего хорошаго ожидать мнѣ отъ него!... Онъ не могъ удержать слезъ и захныкалъ.

— Я не смѣю говорить вамъ неправду, и увѣряю васъ честью, что вы будете весьма довольны, если явитесь къ князю, и что свѣтлѣйшій весьма къ вамъ благоволитъ.

— Благоволитъ! Наташа!... при-

кажи дать мнѣ одѣться поскорѣе... бриться... чесаться! Скорѣй! Доложите князю, что я тотчасъ явлюсь, что я готовъ встать изъ гроба для исполненія его приказаній!

Чиновникъ вышелъ, и Карлъ Федоровичъ вскочилъ съ постели и началъ поспѣшно одѣваться. Онъ дрожалъ, какъ осиновый листъ, подходя къ дверямъ князя, терзаемый страхомъ и надеждою. Болѣзнь его была не что иное, какъ стыдъ и страхъ: теперь другія ощущенія волновали мелкую его душонку.

Князь сидѣлъ въ креслахъ и разговаривалъ дружески съ стоявшимъ напротивъ Искриньмъ. Когда вошелъ Карлъ Федоровичъ, князь встрѣтилъ его ласковою улыбкою и сказалъ: я узналъ, съ сожалѣнiемъ, что ты былъ нездоровъ, любезный

Карлъ Ѳедоровичъ, и хотѣлъ по-слать къ тебѣ своего доктора.

Циттербейнъ собирався благо-дарить, но взглянувъ на Искрина, который, въ щегольскомъ нарядѣ, смотрѣлъ на него весело, — за-дрожалъ и смутился, вспомнивъ ужасную сцену у свѣтлѣйшаго. Циттербейнъ только поклонился князю, и молчалъ.

— Ты долженъ выбрать себѣ дру-гаго помощника, любезный Карлъ Ѳедоровичъ, сказалъ князь: нашъ добрый Искринъ переведенъ въ собственную канцелярію свѣтлѣй-шаго, въ должность секретаря-до-кладчика при особѣ свѣтлѣйшаго князя!...

Карлъ Ѳедоровичъ встрепенулся, какъ будто его окатили, внезапно, холодною водою, и низко покло-нился Искрину, который отплатилъ

ему также поклономъ. Князь чуть не захохоталъ и продолжалъ:

— Ты также, Карлъ Федоровичъ, весьма понравился свѣтлѣйшему, сказалъ князь, съ лукавою улыбкою. И его свѣтлость просилъ меня представить тебя къ слѣдующему чину, не въ очередь!...

— Я понравился свѣтлѣйшему!... я получу чинъ по его предстательству! воскликнулъ Циттербейнъ. — Ваше сіятельство!... я умру отъ радости!... готовъ служить вамъ всѣмъ, отдамъ послѣднюю каплю крови.

— Пстой, братецъ, еще не все! возразилъ князь. Мы таки и потребуемъ отъ тебя крови твоей... Свѣтлѣйшій князь прислалъ тебѣ въ подарокъ вотъ эту золотую табакерку, съ своимъ вензелемъ... Князь подалъ табакерку Карлу Федоровичу, который приложилъ ее къ губамъ, поцѣловалъ и спряталъ

поспѣшно въ карманъ, какъ будто опасаясь, чтобъ ея не отняли у него.

— Эту табакерку свѣтлѣйшій дарить тебѣ въ память сватовства... Свѣтлѣйшій сватаетъ дочь твою, Наталью Карловну, за секретаря своего, титулярнаго совѣтника Александра Андреевича Искрина!... Онъ вчера произведенъ въ титулярные.

Карлъ Федоровичъ съежился, сложилъ руки на груди, вздохнулъ, сморщился и сказалъ: — могу ли я отказать въ чемъ либо его свѣтлости и вашему сіятельству!... Извольте... я согласенъ!... Я всегда любилъ и уважалъ Александра Андреевича, и очень радъ, что дочь моя ему понравилась.

Искринъ поблагодарилъ сперва князя, а потомъ Карла Федоровича, и князь сказалъ: — свѣтлѣйшій бе-

рется устроить судьбу Искрина, а ты, любезный Карлъ Федоровичъ, ступай въ канцелярію, и вели написать, немедленно, представленіе о себѣ, да приготовься къ свадьбѣ. Свѣтлѣйшій требуетъ, чтобъ все кончено было въ трое сутокъ.

— Хоть въ три часа! отвѣчалъ Карлъ Федоровичъ. — Это не мое дѣло — пусть будетъ какъ приказано!

Циттербейнъ и Искринъ вышли вмѣстѣ изъ кабинета, и Карлъ Федоровичъ бросился на шею Искрину, сталъ душить его въ своихъ объятіяхъ, увѣрять въ своей всегдашней привязанности, и просилъ, чтобъ онъ проводилъ его въ канцелярію. Теперь уже Карлъ Федоровичъ гордился Искринымъ!

У дверей канцеляріи Карлъ Федоровичъ вынулъ табакерку, подаренную ему свѣтлѣйшимъ, и хотя

она была пуста, но онъ, проходя важно по канцеляріи, дѣлалъ видъ, что нюхаетъ изъ нея табакъ, а подошедъ къ Пѣтушкову, сказалъ: — Извольте, по приказанію его сіятельства, заготовить представленіе о повышеніи меня въ слѣдующій чинъ, за отличіе по службѣ! Поподчивалъ бы я васъ за это табакомъ, изъ табакерки, подаренной мнѣ свѣтлѣйшимъ княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ, въ знакъ особенной его ко мнѣ милости, но будущій зять мой, Александръ Андреевичъ, секретарь-докладчикъ его свѣтлости и титулярный совѣтникъ, нечаянно высъшалъ табакъ... а табакерочка премиленькая, посмотрите-ка!

— Александръ Андреевичъ будущій зять вашъ! сказалъ Пѣтушковъ.

— Да, это дѣло да видъ у насъ

улажено, но мы съ нимъ скрывали до поры, до времени, отвѣчалъ Карлъ Федоровичъ.

Чиновники бросились поздравлять Искрина и Циттербейна.

— Пойдемъ же къ невѣстѣ, любезный зятюшка! сказалъ Карлъ Федоровичъ весело, трепля по плечу Искрина.

— Очень радъ! возразилъ Искринъ:— а вы, любезные мои друзья, подождите меня при выходѣ изъ канцелярїи, примолвилъ онъ, обращаясь къ Пѣтушкову, Пѣвцову, Глазову и Черепеченкѣ:— мнѣ надобно съ вами переговорить.

Войдя въ свою квартиру, Карлъ Федоровичъ, не снимая шляпы, сталъ посреди залы, и позвалъ, громкимъ голосомъ, Наталью. Когда она явилась, отецъ взялъ ее за руку, и подведя къ Искрину, сказалъ:— Вотъ твой женихъ! на тре-

тій день свадьба. Приготовься — отговорокъ не принимаю! Это по приказанію свѣтлѣйшаго! Пони-маешь ли!

Вмѣсто отвѣта, Наталья бросилась на шею Искрину и сказала: — Милый Александръ! Слава Богу, слава Богу! Потомъ стала обнимать отца, приговаривая: — Благодарю, батюшка, благодарю, вы исполнили единственное желаніе вашей дочери! Я давно уже дала клятву не выходить ни за кого замужъ, кромѣ Искрина!

Карль Федоровичъ стоялъ безмолвный и удивлялся этой фамилярности, обнаруживающей старинную дружескую связь. — Да развѣ вы видались и говорили прежде о женитьбѣ? спросилъ хладнокровно Карль Федоровичъ, поглядывая съ удивленіемъ то на Искрина, то на дочь свою.

— Да вѣдь вы сами сказали Пѣтушкову, что эту дѣло давно улаженное, возразилъ Искринъ. — Вы сказали совершенную правду!

Циттербейнъ покачалъ головою, и сказалъ: — Дѣлать нечего... все кончено! и пошелъ въ свой кабинетъ.

Пробывъ съ полчаса съ своею невѣстою, Искринъ поспѣшилъ на свиданіе съ пріятелями, которыхъ не видалъ со времени перемѣны своей участи. Они ждали его подъ воротами.

— Побѣда, друзья, побѣда! сказалъ Искринъ.

— Отъ обѣда! примолвилъ Глазовъ.

— Ура, побѣда отъ обѣда! закричали всѣ дружно, и стали обнимать и поздравлять Искрина, который позвалъ всѣхъ ихъ обѣдать

на свой счетъ. Послѣдній гость
былъ провозглашенъ Глазовымъ,
и окна дрожали отъ возгласовъ:

— Ура! побѣда отъ обѣда!

XII.

ХОРОШІЙ КОНЕЦЪ ВСЕМУ ДѢЛУ ВЪ-
НЕЦЪ.

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ полюбилъ Искрина, и облекъ его своею довѣренностью: уѣзжая въ армію, онъ оставилъ его въ Петербургѣ и поручилъ ему приведеніе въ порядокъ домашнихъ дѣлъ его и всѣ важныя свои бумаги. По смерти Потемкина, Искринъ, по этому обстоятельству, вошелъ

въ сношенія съ весьма важными людьми, и пріобрѣлъ ихъ уваженіе, благосклонность и покровительство. Болѣе всѣхъ благодѣтельствовала ему графиня Уральская. Она была настоящій образецъ женскихъ характеровъ XVIII вѣка. Нельзя было назвать ея Гибралтаромъ женской добродѣтели, но она была женщина милая, умная, добродушная и постоянная во всѣхъ связяхъ, гдѣ только не вмѣшивалась любовная интрига. Она покровительствовала Искрина сперва безкорыстно, а потомъ изъ благодарности за важную услугу, потому что Искринъ, по смерти Потемкина, возвратилъ ей бумаги, которыя не должны были попасть въ чужія руки. Впрочемъ, положеніе Искрина было уже таково, что онъ имѣлъ вѣсь въ свѣтѣ своею особою. Тесть его, Карлъ Федоровичъ

Циттербейнъ умеръ, отъ разлитія желчи, когда новый начальникъ, заступившій мѣсто князя Камышенскаго, велѣлъ подать ему въ отставку. Послѣ Циттербейна осталось шесть сотъ тысячъ рублей; а кромѣ того наслѣдство послѣ тетки его, Швейцарки, и доброй Марьи Прохоровны, и значительная сумма, подаренная Искрину наслѣдниками Потемкина, и нѣсколько удачныхъ спекуляцій составили всего болѣе милліона. Человѣкъ съ милліономъ наличныхъ денегъ и связями можетъ сдѣлать много, и Искринъ употребилъ все свое значеніе на то, чтобъ помогать своимъ прежнимъ пріятелямъ и покровительствовать бѣдныхъ, но умныхъ и честныхъ чиновниковъ, не забывая никогда о прежнемъ своемъ положеніи. Глазовъ пилъ съ горя и отчаянья, слѣдуя ложному

правилу, будто въ винѣ можно утопить горе. Искринъ поручилъ его брату графини Уральской, бывшему губернаторомъ въ одной изъ губерній новопріобрѣтеннаго края, и онъ умѣлъ оцѣнить умъ, сердце и честность Глазова, который бросилъ всѣ дурныя привычки, и сдѣлался первымъ помощникомъ своего начальника и искреннимъ его другомъ. Пѣтушкова, Швцова и Перепеченку Искринъ также вывелъ въ люди...

... Въ восьмисотыхъ годахъ я долженъ былъ просить покровительства у одного важнаго лица, несчастнымъ сиротамъ, моимъ родственникамъ. Это важное лицо, тайный совѣтникъ, съ двумя звѣздами, былъ — Александръ Андреевичъ

Пскринъ. Онъ полюбилъ меня и пригласилъ навѣщать его. Два сына его были уже штабъ - офицерами, дочь замужемъ. Мнѣ было пріятно ходить къ Александру Андреевичу, чтобъ утѣшаться картиною семейнаго счастья. Онъ любилъ жену свою послѣ тридцати лѣтъ супружества, какъ въ первый день брака, и я восхищался ихъ нѣжностью. Въ ихъ домѣ познакомился я съ тайными совѣтниками Глазовымъ, Пѣтушковымъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Перепеченковымъ (Онъ уже прибавилъ къ своей фамиліи *et*), который, толстотою своею, неукротимымъ аппетитомъ и малороссійскими прибаутками доставлялъ частые случаи къ шуткамъ. Всѣ эти старики жили между собою въ тѣсной дружбѣ. Въ назначенные дни они собирались у каждаго поочередно, съ

своими семействами и приближенными, поставляя себѣ въ обязанность приглашать также бѣдныхъ чиновниковъ, не имѣющихъ связей и покровительства. Я былъ введенъ въ этотъ кругъ, и отдыхалъ душою въ обществѣ добрыхъ и благородныхъ людей. Глазовъ особенно любилъ бесѣдовать со мною о литературѣ, и, какъ говорится, философствовать, то-есть разсуждать о различныхъ предметахъ. Однажды, мы разговорились съ нимъ о старинѣ, о славныхъ прошлыхъ временахъ и о прежнемъ бытѣ. — Времена были славныя, сказалъ мнѣ Глазовъ: — но не дай Богъ, чтобъ они воротились! Присядьте возлѣ камина, я вамъ расскажу исторію молодости нашей, то-есть моей и друзей моихъ, которыхъ вы знаете. Вы найдете здѣсь нѣсколько очерковъ прежняго расхваленнаго быта:

Время очаковских и покоренья Крыма!

Старики, герои этого рассказа, позволили мнѣ напечатать слышанное, какъ вещь поучительную во многихъ отношеніяхъ. Нравоученія извлекать я не стану, потому, что каждый читатель найдетъ его самъ. Правда, это не модный рассказъ; въ немъ нѣтъ ни раздирающихъ душу чувствованій, ни ужасныхъ сценъ, ни убійствъ, ни происшествій, притянутыхъ, какъ говорится, за волосы, чтобъ составить мудреную завязку, ни крученыхъ фразъ, ни вычурныхъ картинъ. Это простые *очерки нравовъ* того времени, которые мы привыкли хвалить по преданіямъ, не чувствуя превосходства настоящаго времени. За вѣрность красокъ ручаюсь; а за все прочее — извините!

КОНЕЦЪ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

ПОТОМСТВЕННАГО ПОЧЕТНАГО ГРАЖДАНИНА,
КНИГОПРОДАВЦА

ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

А. СМИРДИНА (СЫНА.)

КОММИСИОНЕРА ГИДРОГРАФИЧЕСКАГО ДЕ-
ПАРТАМЕНТА МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ,

*у Полицейскаго Моста, въ домъ Косси-
ковскаго (ходъ съ Мойки).*

—

БОЛѢЗНИ дѣтскія и ихъ леченіе
по правиламъ гомеопатіи. Соч. док-
тора Ф. Гартмана, перев. съ нѣмец.,
изд. А. Форбрихера. Москва, 1855,
въ 8 д. л., 753 стр., ц. 3 р., съ пер.
4 р.

БОТАНИКА, краткая, курсъ гим-
назическій. По порученію Мини-
стерства Народнаго Просвѣщенія,
составилъ профессоръ Ш. І. Ши-
ховскій. Съ атласомъ 20 таблицъ

изображеній и рисунками въ текстѣ. Изд. 2-ое. Спб. 1855, въ 8 д. л., 476 стр., ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. с.

В А З А, журналъ шитья и хозяйственной экономіи. № 1. Спб. 1856, въ 4 д. л. (въ годъ 12 номеровъ съ рисунками), ц. 9 р. 50 к., съ пер. 11 р. с.

В А Н Я и Катя. Разказы А. А. Тельниковой. Спб. 1856, въ 12 д. л., 90 стр., съ картинками въ крас. папкѣ, ц. 60 к., съ пер. 85 к.

В И Д Ъ съверной стороны Севастополя. Одинъ литографированный л., ц. 75 к., съ пер. 1 р.

В И Д Ы, живописные, Святыхъ мѣстъ Палестины, снятые съ натуры. 14 литог. печ. 2 тонами, съ описаніемъ на трехъ языкахъ. Спб. 1855, изд. Мюнстера, въ 8 д. л. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.